

ФРАНЧЕСКА ХЕЙГ

ОГНЕННАЯ
ПРОПОВЕДЬ

ОНИ БЫЛИ РОЖДЕНЫ ВМЕСТЕ.
И ВМЕСТЕ ОНИ ДОЛЖНЫ УМЕРЕТЬ

Annotation

Ядерный апокалипсис расколол не только землю, но и само время, безвозвратно поделив его на До и После, на Старую и Новую Эру. А еще он поделил людей. Столь же безжалостно и безвозвратно.

Говорят, что близнецы стали массово появляться уже после Долгой Зимы, во втором и третьем поколениях Новой Эры. Теперь, по прошествии четырехсот лет после Взрыва, дети рождаются всегда по двое: мальчик и девочка. Здоровый, сильный и физически безупречный Альфа и хилый, уродливый, бесплодный Омега. Угнетатель и угнетаемый. Господин и слуга. Совершенство и ущербность. Но даже Альфы не в силах отменить безжалостного закона: люди не только рождаются парами. Но и умирают...

Франческа Хейг

Огненная проповедь

Francesca Haig
THE FIRE SERMON

Copyright © De Tores Ltd 2015

© Е. Шолохова, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Эта книга с любовью и восхищением посвящается моему брату Питеру и моей сестре Кларе. Зная, как много они значат для меня, совершенно неудивительно, что мой первый роман — о братьях и сестрах.

Глава 1

Я всегда думала, что они придут за мной под покровом ночи, однако силуэты шестерых всадников появились на горизонте в самый разгар дня. Стояла пора сбора урожая. Всё поселение поднималось ни свет ни заря и трудилось в полях допоздна. На истощенной земле, отведенной Омегам, не приходилось ждать хорошего урожая. В прошлом году проливные дожди размыли землю так сильно, что обнажили слой пепла — эхо минувшего взрыва. Корнеплоды выросли чахлыми и маленькими или не выросли вовсе. Картофельное поле не дало всходов — мы находили редкие, сморщенные клубни на глубине пяти футов. Один мальчик провалился под землю, выкапывая картофель. Всего несколькими ярдами ниже оказалась заброшенная шахта. Глиняная стена не выдержала и рухнула, и выбраться наверх мальчик уже не смог. Я подумывала о переезде, однако дожди затопили все долины, да и в голодные времена чужаков не жаловали нигде. Поэтому я осталась, с трудом пережив тяжелый год. Некоторые вспоминали о засухе, уничтожавшей урожай зерна три года подряд. Тогда я была еще ребенком, но все равно помнила, как по запыленным полям волочился изголодавшийся скот, больше похожий на груды костей, обтянутых шкурой. Но с тех пор прошло больше десяти лет. «Так плохо, как в годы засухи, все равно не будет», — твердили мы друг другу, точно от повторения слова могли стать правдой. Следующей весной мы внимательно следили за побегами пшеницы. Ранние всходы принесли хороший урожай, а над длинными крупными морковками, которые мы выкапывали в тот год, подшучивали местные подростки. Со своего крохотного клочка земли я собрала большой мешок чеснока, который потом несла на рынок, точно ребенка. Всю весну я наблюдала за тем, как росли и крепились колосья пшеницы на общих полях. На заднем дворике в зарослях лаванды роились пчелы. Дома же полки буквально ломались от еды.

Они явились в разгар жатвы. Сначала я почувствовала что-то неладное. Хотя, если быть до конца честной, недоброе предчувствия терзали меня уже несколько месяцев. Но теперь тревожные ощущения стали явственными — внезапная настороженность, которую невозможно объяснить тому, кто не умеет предвидеть будущее. Казалось, будто что-то неумолимо надвигается: точно облако закрывает солнце или ветер меняет направление. Я выпрямилась, сжав в руках косу, и посмотрела на юг. Когда с дальнего конца поселения раздались крики, я уже мчалась прочь. Шум нарастал, и когда вдали показались шестеро всадников, побежали и остальные. Альфы нередко нападали на поселения Омег, забирая всё мало-мальски ценное. Но я знала, что им нужно на этот раз. Как и понимала, что убегать бессмысленно и следовало прислушаться к предостережениям мамы еще шесть месяцев назад. Я нырнула под изгородь и бросилась к валунам на краю поселения, но уже знала — они меня схватят.

Они почти и не замедлились, чтобы схватить меня. Один из всадников поймал меня на бегу, оторвав от земли. Ударив по запястью, он выбил косу и перекинул меня через седло лицом вниз. Я попыталась вырваться, отчаянно пинаясь, но лишь пришпорила лошадь. От тряски легкие и ребра болели куда больше, чем ноющее от удара запястье. На спину давила тяжелая рука. Сам мужчина прижался ко мне, пригнувшись вперед, и гнал лошадь во весь опор. Я открыла глаза, но тотчас зажмурилась, не в силах видеть вверх тормашками взбитую копытами, проносающуюся землю.

Когда лошадь замедлила шаг и я, наконец, отважилась вновь открыть глаза, в спину мне

уперлось лезвие клинка.

— Нам приказано тебя не убивать, — заговорил всадник. — И даже не бить. Так велел твой близнец. Но насчет всего остального, если доставишь нам хлопоты, колебаться не станем. Сначала я отрежу тебе палец, и уж поверь, для этого мне даже не придется останавливать лошадь. Поняла, Кассандра?

Я попыталась сказать «да», но вырвалось лишь сдавленное мычание.

Мы помчались дальше. От бесконечной тряски вниз головой меня дважды стошнило. Второй раз — на кожаную обувь всадника, не без злорадства заметила я. Чертыхнувшись, он остановил лошадь и усадил меня, связав веревкой так, что руки оказались плотно прижаты к бокам. В сидячем положении кровообращение восстановилось, и давление в голове ослабло. Веревка врезалась в руки, но сзади её крепко держал мужчина и не давал мне упасть. Так проехали остаток дня, а когда землю окутали сумерки, мы остановились поесть. Один из всадников предложил мне хлеба, но я смогла лишь отпить из фляги несколько глотков теплой, затхлой воды. Затем меня вновь посадили в седло, на этот раз с другим мужчиной. Его черная борода колола кожу на шее. Он надел мне на голову мешок, хотя в темноте в этом не было особого смысла.

Я почувствовала приближение города задолго до того, как копыта лошадей зацокали по мощеной дороге. Сквозь мешковину начали пробиваться отблески огней. Я ощущала людей вокруг. Много людей, больше, чем в Хейвене в день ярмарки. Тысячи, как мне показалось. Дорога пошла вверх, копыта застучали по мостовой, но теперь уже не так резво. Затем всадники спешили, и меня передали, а точнее, почти швырнули вниз, другому мужчине. Несколько минут он вел меня, спотыкающуюся на каждом шагу, и довольно часто останавливался, чтобы отпереть очередную дверь. Каждый раз, когда мы продолжали идти дальше, я слышала, как за нами запирается замок. Гроыхание запоров звучало точно удары.

В конце концов меня толкнули на что-то мягкое. Послышался скрежет металла, словно кто-то вынул клинок из ножен. Но прежде, чем я успела вскрикнуть, веревка, опутывавшая тело, соскользнула вниз. Чьи-то руки коснулись шеи, мешок сдернули, и грубая ткань проехала мне по носу. Я сидела на низкой кровати в маленькой комнатке. В камере. Без единого окна. Человек, который снял с меня веревки, уже успел закрыть за собой дверь.

Во рту стоял отвратительный привкус рвоты. Рухнув на кровать, я наконец дала волю рыданиям. Отчасти — из-за себя, отчасти — из-за моего близнеца, из-за того, во что он превратился.

На следующее утро я, как обычно, проснулась от страшного сна, в котором вновь видела взрыв. Пробуждения после этих кошмаров были единственными моментами, когда радовалась, что нахожусь в темнице. Тусклый свет и уже привычная неумолимость тюремных стен казались полной противоположностью дикой, всепожирающей огненной стихии, снившейся мне еженощно.

Никто не писал об этом взрыве, не делал его зарисовок. Какой смысл писать или рисовать, если он оставил отметины повсюду? Даже теперь, спустя более четырех столетий после того, как взрыв всё уничтожил, следы его до сих пор сохранились в обвалах утесов, обугленных равнинах и подернутых пеплом реках. На каждом лице. Эту историю рассказывала сама земля, так зачем кому-то еще ее записывать? Историю, запечатленную в пепле и на костях. Говорят, еще до взрыва существовали пророчества о пламени и конце света. Сам огонь стал последним пророчеством, после которого больше не осталось ничего.

Большинство выживших ослепли и оглохли. Многие остались в одиночестве и рассказывать о случившемся могли разве что ветру. Но даже если и находили себе компанию, никто из оставшихся в живых не мог точно описать момент взрыва: иной цвет неба, рев, знаменующий конец всему. Стараясь описать то, что произошло, выжившие, так же, как и я, увязали в бессильных попытках облечь звуки и ощущения в слова.

Взрыв расколол время, безвозвратно поделив его на До и После, на Старую и Новую Эру. Теперь, спустя сотни лет, в Новой Эре не осталось ни одного очевидца, ни одного свидетельства. Лишь провидцы, вроде меня, перед самым пробуждением могли уловить мимолетное видение прошлого. Или вдруг, моргнув, на полсекунды увидеть вспышку и горизонт, полыхающий, точно бумага.

Теперь о взрыве рассказывали только бродячие певцы. Когда я была ребенком, каждую осень через нашу деревню проходил бард. Он пел о народе, жившем за морем, который низверг смертельное пламя с небес, о радиации, о Долгой Зиме, наступившей после взрыва. Мне было восемь или девять лет, когда мы с Заком услышали на ярмарке в Хейвене песню седовласой женщины. Знакомый мотив, но слова иные. Припев о Долгой Зиме не изменился, а вот в куплетах ни разу не упоминалось о других народах. В них она описывала лишь всепоглощающий огонь.

Когда я потянула отца за руку и спросила, почему она поет по-другому, он лишь пожал плечами. «У этой песни полно версий, — сказал он. — Так какая разница? Если когда-то за морем и были земли, теперь их больше нет, как не осталось в живых ни одного моряка, который мог бы это подтвердить». Случайные слухи о Далеких Землях, где-то за морями, оставались всего лишь слухами — в них верили не больше, чем в Остров, где Омеги живут свободно от гнета Альф. Подобные разговоры вели к публичной порке, а могли и вовсе закончиться колодками. Однажды в Хейвене мы видели такого Омегу. Он, прикованный, изнемогал под палящим солнцем, пока его язык не стал походить на чешуйчатую голубую ящерицу, высунувшуюся изо рта. Время от времени два солдата Совета, со скукой наблюдавших за ним, пинали бедолагу, чтобы убедиться, что тот еще жив.

«Не задавайте вопросов, — внушал нам отец. — Ни о Старой Эре, ни о Новой, ни об Острове. В Старую Эру люди задавали слишком много вопросов, всюду совали свой нос, и посмотрите, к чему это привело. Нынешний мир окружают моря на севере, западе и юге, а

на востоке простираются мертвые земли. И это всё, что мы когда-либо узнаем о мире. Не важно, откуда пришла взрывная волна. Важно лишь то, что она пришла. Взрыв был очень давно, и о нём толком ничего неизвестно, так же, как и о самой Старой Эре, которую он уничтожил и от которой остались лишь слухи да руины».

Первые месяцы в заточении изредка даровали возможность увидеть небо. Каждые несколько недель меня в компании таких же заключенных Омег выводили на бастион, чтобы размяться и подышать свежим воздухом. Нас разбивали на группы по три человека, и каждую группу сопровождало как минимум столько же стражей. Они внимательно следили, чтобы мы не только не подходили друг к другу, но и держались подальше от зубчатых стен, откуда открывался вид на расстилавшийся внизу город. В первый же выход я поняла, что не стоит и пытаться приближаться к другим заключенным, не говоря уж о том, чтобы заговаривать с ними. Когда нас выводили из камер, один из стражей принялся ворчать на хромую светловолосую пленницу за то, что она слишком медленно идет.

— Я бы шла быстрее, если бы вы не отняли мою палку, — возразила она.

Ей не ответили. Взглянув на меня, женщина еле заметно подмигнула. Это была даже не улыбка, но впервые за все время заключения в Камерах Сохранения я почувствовала намек на теплые человеческие отношения. Когда мы вышли в бастион, я попыталась подобраться к ней поближе, чтобы мы могли пошептаться. До неё оставалось шагов десять, когда стражи пригвоздили меня к стене с такой силой, что я больно ударилась лопатками о камни. Пока меня тащили обратно в камеру, один из стражей плюнул в лицо.

— Не говори с остальными, — велел он. — Даже не смотри на них, ясно?

С заведенными за спину руками я даже не могла стереть с щеки его плевок. Всё моё естество охватило чувство омерзения. Ту женщину я больше никогда не видела.

Спустя месяц, а может, и больше, меня вывели на бастион в третий раз. Это была последняя прогулка для всех нас. Я стояла у двери, дожидаясь, пока глаза привыкнут к солнечному свету, его блики играли на гладких камнях. Справа о чем-то тихо беседовали двое стражей. Слева в двадцати шагах от меня стоял, привалившись к стене, еще один стражник и наблюдал за заключенным Омегой. Этот, казалось, пробыл в Камерах Сохранения гораздо дольше меня. Некогда темная кожа теперь обрела грязно-серый оттенок. Но самым примечательным было то, как нервно дергались его руки и непрерывно двигались губы, точно не соответствовали деснам. Всё время, пока мы находились на прогулке, он расхаживал взад-вперед по одному и тому же маленькому пятачку мощеного бастиона, подволакивая искривленную правую ногу. Несмотря на запрет разговаривать с кем бы то ни было, я периодически слышала, как он тихо бормотал себе под нос: «Двести сорок семь. Двести сорок восемь».

Все знали, что многие провидцы сходят с ума — годы предвидения выжигали разум дотла. Видения можно сравнить с пламенем, а нас — всего лишь с фитильками. Этот человек не был провидцем, однако меня совершенно не удивило, что он сошел с ума, пробив столь долго в Камерах Сохранения. Есть ли у меня шанс устоять перед видениями и безжалостным гнетом тюремных стен? Через год-другой, подумалось мне, и я, возможно, окажусь на месте этого человека. Буду считать собственные шаги, будто четкие ряды цифр смогут привнести хоть какой-нибудь порядок в расстроенный разум.

Между мной и бормочущим мужчиной находилась еще одна пленница — однорукая женщина старше меня на несколько лет с темными волосами и неунывающим лицом. Нас выводили вместе уже второй раз. Я подошла к краю бастиона настолько близко, насколько

позволяла стража, и, всматриваясь вдаль поверх зубчатой стены из песчаника, силилась придумать способ заговорить с ней или подать знак. Подойти поближе, чтобы увидеть город, лежащий у подножия горной крепости, я не могла. Линию горизонта закрывало ограждение бастиона, и лишь в просвет между зубцами виднелись вдалеке серые холмы.

Внезапно я поняла, что счет прекратился. Когда же повернулась, чтобы посмотреть, что произошло, мужчина-Омега бросился на женщину и сдавил ее шею обеими руками. Ей, однорукой, не хватало сил, чтобы отбиться. И сразу закричать она не успела. Когда подоспели стражники, я все еще стояла в нескольких ярдах. Через нескольких секунд они оттащили мужчину, но слишком поздно.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть это тело, распластанное на камнях лицом вниз с вывернутой под неестественным углом шеей. Но провидцу бессмысленно закрывать глаза. В мареве сознания проступали картины того, что еще произошло в момент убийства: в сотнях футов над нами, в стенах крепости, упал и разбился бокал вина. На мраморный пол выплеснулась красная влага. Мужчина в бархатном пиджаке рухнул на спину, сумел подняться на колени, но буквально на секунду и затем умер, схватившись руками за шею.

После этого прогулки отменили. Иногда казалось, будто слышу, как сумасшедший Омега кричит и бьется о стены, но звук доносился приглушенно, скорее, легкое колебание воздуха в ночи. Я даже не знала наверняка, слышу ли его или просто чувствую.

В моей камере почти не бывало темно. Стекланный шар, свисавший с потолка, излучал тусклый свет. Этот шар никогда не гас и постоянно гудел, но так тихо, что временами мне казалось, что это просто звон в ушах. Первые несколько дней я беспокойно поглядывала на него, ожидая, что свет погаснет и оставит меня в крошечной темноте. Но это была не свеча и даже не масляная лампа. Шар излучал совсем другое свечение: холодное и ровное. Каждые несколько недель свет начинал дрожать. Несколько секунд он мерцал, а затем гас, и я погружалась в мир тьмы, не имевший ни форм, ни очертаний. Но это длилось не дольше одной-двух минут. Потом шар снова вспыхивал, мигнув пару раз, словно человек, который только что пробудился ото сна и старается встряхнуться. Я даже полюбила эти регулярные отключения — единственную передышку от непрерывного свечения.

Должно быть, это и есть Электричество, решила я. Говорили, будто электричество это своего рода магия, а также ключ к большинству технологий из Старой Эры. Чем бы оно ни являлось, считалось, что электричество исчезло. Машины, не разрушенные взрывом, были разгромлены во время последующих чисток, когда выжившие уничтожали все следы технологий, повергших мир в прах. Всё, что осталось от Старой Эры, попало под строгий запрет, и машин это касалось в первую очередь. Нарушение запрета грозило жестоким наказанием, но закон держался прежде всего на страхе взрыва. Опасность явственно отпечаталась на искореженном лице земли и обезображенных телах Омег. Других напоминаний и не требовалось.

Но здесь с потолка камеры свисала одна из машин — частица Электричества. И не было в этом ничего ужасающего или могущественного, как шептались люди. Никакого оружия, или бомб, или экипажа, способного ездить без лошадей. Просто стекланный шарик размером с кулак, излучающий свет. Я не могла оторвать от него глаз — в самой сердцевине сиял яркий сверкающий узелок, ослепительно-белый, словно внутри была заключена искра самого взрыва. Я смотрела так долго, что когда закрывала глаза, по-прежнему видела в темноте сияющую точку. Первые дни я пребывала в восхищении и в ужасе, щурясь под лучами, словно в страхе, что стекланный шар мог взорваться.

Глядя на свет, я боялась не столько запрета, сколько того, что являюсь свидетелем его нарушения. Если бы просочился слух, что Совет обходит запрет, началась бы новая волна чистки. Страх взрыва и машин, из-за которых он случился, был еще слишком реален, слишком глубок, чтобы люди могли принять подобное. Я понимала, что освещение в камере означало приговор на всю жизнь. И раз я видела это, меня никогда не выпустят.

Больше всего я скучала по небу. Из узкой отдушины прямо под потолком немного тянуло свежим воздухом, но ни единого проблеска солнца она не пропускала. Я вела подсчет проведенного здесь времени по приемам пищи. Подносы с едой приносили дважды в день, передавая через узкую щель внизу двери. Спустя несколько месяцев с того дня, когда мы в последний раз выходили на прогулку, я поймала себя на том, что помню небо лишь в общих чертах, но не могу представить его отчетливо. Я вспоминала истории о Долгой Зиме, наступившей после взрыва. Сажа тогда пропитала воздух так густо, что долгие годы полностью застилала небо. А дети, родившиеся в то время, за всю жизнь так и не увидели его. Мне хотелось знать, верили они в него тогда или нет, была ли для них попытка представить небо тем же свидетельством веры, как и для меня.

Подсчет дней помогал хоть как-то сохранить чувство времени, однако по мере того, как их количество росло, это начало становиться пыткой. Я не считала дни до возможного освобождения: их число просто росло, а вместе с ним и чувство неопределенности, словно я плыла в бескрайнем мире тьмы и одиночества. После того, как прогулки отменили, единственным постоянным событием стали визиты Исповедницы, которая приходила каждые две недели и расспрашивала о моих видениях. Она говорила, что остальные Омеги вообще никого не видят. Думая об Исповеднице, я даже и не знала, жалеть их или завидовать им.

* * *

Говорят, что близнецы стали появляться во втором и третьем поколениях Новой Эры. Во время Долгой Зимы близнецов не было — детей вообще рождалось очень мало, а выживало еще меньше. Те годы приносили лишь искривленные тела и больных, уродливых младенцев. Среди немногих живущих только единицы могли иметь потомство. Казалось, человеческий род вымирал.

Сначала, в самый разгар борьбы за восстановление рождаемости, появление близнецов, должно быть, встретили с радостью — столько много детей и так много из них здоровых. Рождалось всегда двое — мальчик и девочка, один из них оказывался физически безупречен. Не только без внешних изъянов, но также здоровый и сильный. Однако вскоре роковая симметрия стала очевидной: за совершенство одного ребенка расплачивался его близнец. Уродства в нем могли быть самыми различными: отсутствие конечностей, их атрофия, а порой и, наоборот, лишняя рука или нога. Рождались одноглазые и трехглазые, или те, чьи веки оставались сомкнуты навечно. Это были Омеги, ущербные близнецы Альфы. Альфы называли их мутантами. Говорили, что они являлись тем ядом, который Альфы отторгали еще в утробе матери. Последствия взрыва, которые пока нельзя искоренить, сказывались, по крайней мере, только на более слабом из близнецов. Омеги принимали на себя болезни и уродства, оставляя Альфу свободными от этого бремени. Впрочем, не совсем свободными. Если различия во внешности сразу бросались в глаза, то связь между ними оставалась

невидимой. И тем не менее она существовала и проявлялась всякий раз самым непостижимым образом. Не имело значения, что никто не мог ни понять, ни объяснить ее природу. Поначалу еще списывали на совпадения, но факты, отмечая всяческие сомнения, неумолимо доказывали роковую связь между близнецами. Люди рождались и умирали парами.

Острая боль или серьезные болезни также поражали обоих близнецов. Если один начинал метаться в жару, то и со вторым случалось то же самое. Если один падал в обморок, то и второй терял сознание, где бы он или она ни находились. Незначительные травмы и легкие недомогания друг другу не передавались, но если один получал серьезную рану, то и второй кричал от сильной боли.

Когда выяснилось, что Омeги бесплодны, то сначала сочли, что они вымирают, что они были лишь временными отголосками пагубного воздействия взрыва. Но с каждым новым поколением происходило то же самое: всегда рождались близнецы, один из которых — безупречный Альфа, второй — ущербный Омeга. Детей рожать могли только Альфы, но каждый их ребенок неизменно появлялся в паре с Омeгой.

Когда родились мы с Заком, оба без внешних изъянов, родители наверняка на два раза пересчитали каждый наш палец. Всё оказалось на месте. Однако они все равно бы не поверили — ни одна пара близнецов не избежала разделения на Альфу и Омeгу. Ни одна. Случалось, что их различия замечались спустя время. То одна нога росла медленнее другой, то обнаруживалась глухота, которую не распознали сразу, то рука развивалась слабее. Но ходили слухи и о тех немногих, чье различие внешне никак не проявлялось. Рассказывали о мальчике, который казался нормальным, пока вдруг не выбежал из дома с криком, за несколько минут до внезапного обрушения кровли. Или о девочке, которая целую неделю плакала над собакой пастуха, а потом ее переехала телега из соседней деревни. То были Омeги, чья мутация оставалась незаметной глазу. И называли их провидцами. Рождались они крайне редко — в лучшем случае один на несколько тысяч.

Все знали одного провидца, который приходил каждый месяц в Хейвен — довольно большой город, расположенный вниз по течению реки. Омeгам не разрешалось посещать рынок Альф, но его не прогоняли. Он сидел в дальнем конце рынка, за грудой ящиков и кучей гнилых овощей. Когда я впервые попала на рынок, он уже был далеко не молод, но довольно бойко занимался предсказаниями: за бронзовую монетку сообщал фермерам, какую погоду ждать в следующем сезоне, или рассказывал дочери купца, кто станет ее суженым. Однако за ним водились странности: постоянно бормотал себе под нос не то молитвы, не то заклинания. Однажды, когда мы с папой и Заком проходили мимо, он воскликнул: «Огонь! Вечный огонь!». Стоящие рядом лавочники даже не вздрогнули — видимо, подобные приступы случались и прежде. Увы, такая судьба ждала большинство провидцев: взрыв отпечатал свой огненный след в их разуме, словно заставляя переживать тот момент снова и снова.

Трудно сказать, когда я впервые осознала собственное отличие, но уже тогда понимала, что это нужно скрывать. В детстве я казалась такой же обычной, как мои родители. Ведь какой ребенок не просыпался с криками от ночных кошмаров? Далекo не сразу я догадалась, что с моими снами что-то не так. Мне снился взрыв. Адский огонь, что являлся во снах — наяву он не пылал, но повторялся почти каждую ночь. Эти жуткие картины пришли явно откуда-то извне. Мне снилось то, что я никогда не видела в жизни. А вся моя жизнь — это наша деревня, где около четырех десятков каменных домов стояли кружком на зеленой

поляне с каменным же колодцем посередине. Это раскинувшаяся в низине долина, домики и деревянные сараи, забравшиеся на сто футов выше реки, чтобы спастись от наводнений, заливающих поля каждую зиму и пропитывающих почву илом. Но в снах я вижу незнакомый пейзаж и чужие лица. Вижу крепости, что в десять раз выше нашего дома с низким балочным потолком и шероховатым полом. Вижу города, где запруженные людской толпой улицы шире, чем сама река.

К тому времени я уже вполне подросла и понимала, что это странно и что Зак во сне спокоен. Мы спали в одной кровати, поэтому мне пришлось научиться прятать свое волнение и лежать молча, унимая сбившееся дыхание. Я приучилась сдерживать крик, когда среди бела дня мимолетные видения являли вдруг грохот взрыва и всполохи пламени.

Когда папа впервые привел нас в Хейвен, я тотчас узнала рынок с его шумной толчеей по своим снам, но, увидев, как Зак стал упираться, боязливо цепляясь за папину руку, притворилась, что ошеломлена не меньше.

Между тем наши родители напряженно ждали. Как и все остальные, они приготовили только одну кровать, ожидая, что отошлют ребенка-Омегу сразу, как нас разделят. Когда нам исполнилось три года, а нас так и не разделили, папе пришлось соорудить для нас две кровати побольше. Причем самому и, можно сказать, украдкой — на огороженном стеной заднем дворике, куда выходило окно кухни, хотя с нами по соседству жил Мик — лучший плотник в округе. Но папе не хотелось обращаться к нему за помощью. Все последующие годы при каждом скрипе кособокой, плохо сколоченной кровати в памяти всплывало выражение папиного лица в тот момент, когда он внес эти кровати в нашу тесную комнатку и расставил их по разным стенам.

Мама и папа теперь почти не разговаривали с нами. Наступили годы засухи. Всё выдавалось по талонам. И казалось, будто слова тоже стали дефицитом. Если прежде нашу долину затапливало каждую зиму, то сейчас река превратилась в тонкий слабый ручеек. Ее русло пересохло и, точно старая глиняная посуда, покрылось трещинами. Даже в нашей вполне зажиточной деревне нечего было отложить про запас. Первые два года засухи приносили хотя бы скудный урожай. На третий год без дождей посевы и вовсе не взошли, и мы кое-как перебивались лишь благодаря прежним сбережениям родителей. Над иссохшими полями клубилась густая пыль. Часть домашнего скота пала с голоду — негде было разжиться кормом даже тем, у кого водились деньги. Рассказывали, что дальше к востоку люди отчаянно голодали. Совет выделил солдат для патрулирования деревень, чтобы защитить от набегов Омег. В то же лето возвели стену вокруг Хейвена и других крупных городов Альф. Но с трудом верилось, что те Омеги, которых видела я, когда они проходили мимо нашей деревни, могли на кого-нибудь напасть. Настолько изможденными и бессильными выглядели эти люди.

Но и когда период засухи закончился, солдаты Совета все равно продолжали патрулировать местность. Да и родители продолжали следить за нами с ничуть не меньшей настороженностью. Они ждали, когда, наконец, проявится различие между мной и Заком, чтобы тут же нас разделить. Как-то зимой мы оба простудились, и я слышала, как родители долго спорили, кто из нас заболел первым. Тогда нам было лет шесть или семь. Лежа в нашей спальне, я слышала, как внизу, на кухне, папа громко и настойчиво утверждал, что мне еще прошлым вечером нездоровилось, за десять часов до того, как мы оба проснулись с жаром. Тогда я и поняла, что папа вел себя с нами отчужденно вовсе не из-за своей нелюдимости, а мамино пристальное внимание не имело ничего общего с материнской

заботой. Зак ходил за папой по пятам целыми днями: от колодца до поля, от поля до амбара. Когда мы стали старше, папа совсем отдалился и стал гнать от себя Зака, крича, чтобы тот возвращался домой. Но Зак все равно выискивал любой повод, чтобы крутиться поблизости от него. Если отец грузил поваленные деревья в роще, выше по течению, Зак тянул меня в лес за грибами. Если отец собирал урожай на кукурузном поле, Зак тут же загорался желанием починить ворота для загона. Ближе он не подходил, но следовал за отцом точно потерянная тень. Ночью, когда папа с мамой говорили о нас, я закрывала глаза, как будто это могло отгородить их голоса, доносящиеся снизу сквозь дощатый пол. Я слышала, как в кровати у противоположной стены Зак тихонько ворочался. Его дыхание казалось спокойным, и я не знала, спал ли он или притворялся.

* * *

— Ты увидела что-то новое.

Я уставилась на серый потолок своей камеры, только чтобы не смотреть в глаза Исповедницы. Ее вопросы всегда звучали именно так: безучастно и, скорее, утвердительно, будто она и так уже всё знает. Строго говоря, я и не была уверена в обратном. Сама ведь понимала, каково это — улавливать отблеск чьих-то мыслей или пробуждаться от чужих воспоминаний. Но Исповедница была не только провидцем, она умела управлять своей силой. Каждый раз, стоило ей войти в камеру, я чувствовала, как ее разум пытается проникнуть в моё сознание. Я всегда отказывалась разговаривать с ней, но не знала, удавалось ли скрыть свои мысли.

— Только взрыв. Всё тот же.

Она сцепляла и расцепляла руки.

— Скажи мне хоть что-нибудь, чего ты еще не повторяла раз двадцать.

— Нечего сказать. Только взрыв.

Я вгляделась в ее лицо, но оно не выказывало абсолютно ничего. Чтобы заглянуть, хотя бы мельком, в душу человека, необходима практика, а ее у меня не было. Слишком долго я находилась в камере, отрезанная от людей. Да и в любом случае Исповедница хранила свои мысли за семью замками. Я попыталась сосредоточиться. Ее лицо казалось почти таким же бледным, как и мое после долгих месяцев заточения, а клеймо выделялось ярче, чем у других, наверное потому, что остальные черты всегда оставались слишком спокойными. Кожа выглядела гладкой, как речная галька, кроме того места, в середине лба, где ярко-красным сморщенным рубцом горело клеймо. Я затруднялась определить ее возраст. Взглянув на нее, можно подумать, что она — моя ровесница. Однако мне казалось, что она на десятки лет старше: в ее взгляде читалась почти неприкрытая мощь и энергия.

— Зак хочет, чтобы ты мне помогла.

— Тогда передай ему, пусть придет ко мне сам.

Исповедница засмеялась.

— Стражники рассказывали, что ты звала его первые несколько недель. Даже сейчас, проведя три месяца в камере, ты и вправду думаешь, что он собирается прийти?

— Он придет, — ответила я.

— Ты так уверена в этом. — Она слегка вздернула голову. — А уверена ли ты в том, что действительно хочешь, чтобы он пришел?

К чему объяснения, что желание тут ни при чем? Так же как и не имеет значения, хочет ли река бежать вниз. Как можно было объяснить ей, что он нуждается во мне, пусть я и нахожусь в камере?

Я попыталась сменить тему.

— Я даже не знаю, что тебе нужно, — сказала я. — Что ты ждешь от меня.

Она закатила глаза.

— Ты похожа на меня, Касс. И значит, мне известно, на что ты способна, даже если ты не желаешь этого признавать.

Я решила попробовать небольшую стратегическую уступку.

— Чаще всего вижу взрыв.

— Увы, я сомневаюсь, что ты можешь дать много ценных сведений о случившемся четыреста лет назад.

Я почти физически чувствовала, как она заглядывала в мой разум, точно чьи-то руки, чужие, неприятные, шарят по телу. Я решила подражать ей и попыталась закрыть свои мысли. Исповедница снова села.

— Расскажи мне об Острове, — промолвила она тихо, мне оставалось только попытаться скрыть свое потрясение — так легко ей удалось проникнуть в мои мысли. Я начала видеть Остров последние несколько недель, сразу как закончились прогулки на бастион. Сначала мне снились море и небо, и я сомневалась, существовали ли они на самом деле или это просто плод моих фантазий и страстных мечтаний о воле, рождающихся вопреки гнетущей действительности — заточению в четырех стенах с узкой койкой и единственным стулом. Но сны приходили регулярно и удивляли своей ясностью и настойчивостью. И теперь я знала, что картины из моих видений — реальны, и так же понимала, что никогда не смогу говорить о них.

В невыносимой тишине камеры даже собственное дыхание казалось громким.

— Знаешь, я тоже это видела, — сказала она. — Ты мне всё расскажешь.

Когда ее разум пробирался в мои мысли, я чувствовала себя незащищенной и уязвимой. В уме сразу всплывал момент, когда папа свеживал кролика. Как он сдирал его шкуру, обнажая все внутренности.

Я старалась закрыть от нее свои видения: город, спрятанный в глубокой кальдере, дома, теснящиеся на её крутых склонах, и повсюду, куда ни глянь, свинцовые воды океана, подернутые рябью там, где выступают подводные рифы.

Я всё это видела сейчас, как видела много ночей во сне. И мысленно старалась замкнуть свои видения в себе, спрятать как можно глубже, так же, как Остров прятал город в гнезде кратера.

Я встала и твердо сказала:

— Нет никакого Острова.

Исповедница тоже поднялась.

— Тебе лучше надеяться, что его и правда нет.

* * *

Когда мы подросли, неусыпное внимание родителей передалось и Заку. Для него каждый наш день вместе становился еще одним днем, отмеченным подозрением, что он —

Омега, еще одним днем, препятствующим ему занять законное место в обществе Альфа. Поэтому мы оба оставались в стороне от жизни нашей деревни. Когда другие дети шли в школу, мы обучались дома, за кухонным столом. Когда они играли у реки, мы довольствовались обществом друг друга или же наблюдали за их забавами на расстоянии. Мы держались довольно далеко, чтобы дети не кричали на нас и не кидали камнями. Иногда улавливали обрывки песен и позже, уже дома, пытались их повторить, придумывая собственные слова там, где не расслышали.

Мы жили в своем тесном мирке под прицелом подозрительных глаз. Жители деревни взирали на нас с любопытством, а позже с открытой враждебностью. Постепенно шепотки соседей за спиной переросли в крики, полные злобы: «Зараза! Урод! Самозванец!». Они не знали, кто из нас Омега, поэтому презирали обоих. С каждым разом, когда в деревне рождались новые близнецы, которых вскоре разделяли, наша неразделенная пара всё сильнее бросалась в глаза. Наши соседи отдали своего сына Оскара, чья левая ножка заканчивалась коленом, на попечение к родственникам-Омегам, когда тому исполнилось девять месяцев.

Проходя мимо их дома, мы часто видели его сестру, маленькую Мэг, играющую в одиночестве за огороженным забором дворике.

— Должно быть, она скучает по своему брату, — сказала я однажды Заку, глядя, как Мэг вяло грызла голову маленькой деревянной лошадки.

— Ну, конечно, — усмехнулся он. — Бьюсь об заклад, она вся в расстройстве, что ей больше не придется делить свою жизнь с уродом.

— И он наверняка тоже скучает по своей семье.

— У Омег нет семьи, — повторил он знакомую выдержку из плакатов Совета. — В любом случае, ты ведь знаешь, что случается с родителями, которые пытаются оставить детей-Омег.

Порой я слышала подобные истории. Говорили, что Совет беспощаден к тем родителям, кто противится разделению близнецов и пытается оставить себе обоих детей. С ними поступали так же, как и с теми Альфами, которых ловили на том, что они поддерживали отношения с Омегами. Ходили слухи, что их подвергали публичной порке, а то и хуже. Но большинство родителей отказывались от своих детей-Омег с легким сердцем, желая избавиться от уродливого потомства. Совет учил, что длительная близость с Омегами опасна. За шепотками и оскорблениями соседей таилось презрение и страх. Омеги должны быть изгнаны из общества, так же, как близнец-Альфа отторгает всё дурное еще в чреве матери. По крайней мере, Омегам, не способным иметь детей, не приходилось от них отказываться. Только, пожалуй, это единственная ноша, от которой нас избавила природа.

Я знала, что близилось время, когда и меня отошлют прочь. То, что мне удавалось скрывать свою сущность, позволяло лишь отсрочить неизбежное. И я уже сомневалась, что хуже: жить в постоянном напряжении, пряча мысли и чувства от родителей, от Зака, от всей деревни или быть изгнанной, что и так неминуемо случится. Зак был единственным человеком, который понимал эту странную, неопределенную жизнь, потому что и сам так жил. Однако я постоянно ощущала на себе пристальный взгляд его темных, спокойных глаз.

Меня тяготило его неустанное внимание и хотелось найти менее бдительную компанию. Поймав трех красных жуков, что водились у колодца, я посадила их в банку и держала на подоконнике, с интересом наблюдая, как они ползали, тихо постукивая крыльями по стеклу. Неделью спустя я обнаружила самого крупного из моих жуков приколотым булавкой к деревянному подоконнику и с оторванным крылом. Бедняга пытался ползти, но лишь

вращался по кругу на брюшке.

— Это опыт, — оправдывался Зак. — Я хотел посмотреть, как долго он протянет в таком состоянии.

Я пожаловалась родителям.

— Ему просто скучно, — сказала мать. — Это сводит его с ума. Вы оба не ходите в школу, как должны бы...

Невысказанная правда кружила, как маленький жук на булавке: только одного из нас могли допустить в школу. Я раздавила жука каблуком туфли, чтобы прекратить его мучения. Той ночью я взяла банку и отнесла двух оставшихся жуков к колодцу. Отодвинула крышку и положила банку набок. Они ползли неохотно, и я выманила их травинками, затем осторожно опустила на каменный обод колодца, где примостилась и сама. Один из них взлетел и уселся мне на ногу. Я позволила ему недолго посидеть, а затем сдула, снова отправив в полет. Той ночью Зак увидел пустую банку возле моей кровати. Но никто из нас не сказал ни слова.

* * *

Примерно год спустя как-то днем мы собирали на реке дрова, тогда я и совершила роковую ошибку. Я шла следом за Заком, и вдруг возникло видение, всего лишь проблеск, на короткий миг заслонивший реальный мир. Я бросилась к брату и сбила его с ног за мгновение до того, как огромная ветка рухнула на тропинку. Это случилось инстинктивно, хотя заглушать такие порывы уже вошло в привычку. Позже я задумывалась, почему допустила ошибку: испугалась ли за его жизнь или просто устала всё время таиться. Так или иначе, Зака удалось спасти. Он лежал подо мной на тропинке, глядя, как массивный сук со скрипом обрывается, ломая по пути другие ветки, и падает на то место, где только что стоял сам. Я встретилась с ним взглядом и с удивлением обнаружила в его глазах облегчение.

— Он бы не причинил слишком сильные увечья, — произнесла я.

— Я знаю. — Он помог мне подняться и стряхнуть сухие листья с платья.

— Я увидела это, — я заговорила чересчур быстро. — В смысле, увидела, как сук начал падать.

— Тебе не нужно ничего объяснять, — остановил он. — И мне надо сказать тебе спасибо за то, что ты меня спасла.

Впервые за долгие годы он улыбался открытой, широкой улыбкой, как бывало только в детстве. Но я слишком хорошо знала своего брата, чтобы радоваться. Он настоял на том, чтобы вместе со своей нести и мою вязанку дров до самой деревни.

— Я в долгу перед тобой, — сказал он.

Несколько последующих недель большую часть времени мы проводили вместе, впрочем, как и обычно, только теперь в играх Зак вел себя не так грубо. Он поджидал меня, чтобы вместе идти к колодцу, а когда мы, сокращая путь, проходили через поле, предупреждал меня о зарослях крапивы. Он больше не дергал меня за волосы и не трогал мои вещи.

Теперь он знал, кто я, и это, по крайней мере, дало мне передышку от его каждодневных жестоких выходок. Однако его слов было недостаточно, чтобы нас разделили. Требовались доказательства — этому его научили годы отчаянных, но тщетных заверений, что с ним всё нормально. И он выжидал, когда я оступлюсь снова и выдам себя. Однако мне ещё почти год удавалось скрывать тайну. Между тем видения становились чаще и ярче, но я приучила себя

не реагировать на них: не вскрикивать при вспышках взрыва, что озаряли мои ночи, не замечать образы далеких мест, неожиданно всплывающие перед мысленным взором. Я старалась держаться особняком. Всё больше гуляла одна, уходя вверх по течению настолько далеко, насколько уводило глубокое ущелье, пролегающее вдоль реки, где в зарослях таились заброшенные башни. Теперь, когда я выходила из дома, Зак не следовал за мной.

В сами башни я, конечно же, не осмеливалась заглянуть. Они остались от Старой Эры и были под запретом. В этих руинах покоился разрушенный некогда мир, и входить туда запрещалось не менее строго, чем хранить у себя любые реликвии прошлого. Ходили слухи, что некоторые отчаявшиеся Омеги лазали по руинам в надежде найти что-нибудь полезное. Но что могло сохраниться через столько столетий? Взрыв сровнял с землей многие города. Но даже если спустя века где-то и осталось что-нибудь, кто осмелился бы взять это, зная о наказании? Но больше, чем закон, пугали разговоры о том, что в руинах и прочих реликвиях таилась, словно осиные гнезда, радиация — невидимый глазу и смертельно опасный след прошлого. Потому если и упоминались те времена, то лишь шепотом, со страхом и отвращением.

Мы с Заком, случалось, подбивали друг друга на то, чтобы подойти к башням как можно ближе. Он всегда оказывался храбрее меня и подбирался к самой ближайшей башне, кладя ладонь на округлую бетонную стену, и уж затем бежал обратно вне себя от гордости и страха. Но те дни я проводила в одиночестве, сидя часами под деревом, откуда виднелись башни. Три огромных цилиндрических сооружения сохранились почти нетронутыми по сравнению с остальными руинами, так как стояли в окружении ущелья, и весь удар приняла на себя четвертая башня. Взрыв полностью разрушил её, оставив только круглое основание, откуда торчала искореженная арматура, точно пальцы похороненного заживо мира. Но я была благодарна башням, несмотря на их уродливость — они дарили уединение, поскольку больше никто туда не совался. Кроме того, в отличие от Хейвена и больших деревень по всей округе, здесь не висели плакаты Совета, трепыхающиеся на ветру: «Будьте бдительны: Омеги заразны!», «Общество Альф: Поддержим увеличение налога с Омег!». После трехлетней засухи, казалось, всего стало меньше, за исключением плакатов Совета. Порой я задумывалась, уж не потому ли меня так тянет к этим развалинам, что узнаю в них себя? Так же, как и запрещенные руины, мы, Омеги, в своей ущербности, считались опасными, распространяющими заразу и являлись живым напоминанием о взрыве и о том, что он сотворил с миром. Хоть Зак теперь и не ходил со мной к башням или еще куда-нибудь, я знала, что он следит за мной даже пристальнее, чем прежде. Когда я, уставшая после долгой прогулки, возвращалась домой, он, полный внимания, улыбался и вежливо спрашивал, как прошел мой день. Он знал, куда я ходила на прогулку, но никогда не говорил об этом родителям, хотя те наверняка впали бы в ярость. Он оставил меня в покое, точно змея, которая отползла и притаилась перед решающим броском.

Сначала Зак старался изоблечь меня. Он забрал мою любимую куклу, Скарлетт, в красном платье, которое сшила мама. После того, как мы стали спать на разных кроватях, я неизменно укладывала куклу рядом с собой — ночами с ней казалось уютнее. Даже в двенадцать лет я не расставалась со Скарлетт, обнимала ее во сне. Грубые шерстяные волосы куклы кололи кожу и успокаивали нервы. Однажды утром она исчезла. За завтраком я спросила о ней, и Зак победоносно просиял:

— Она спрятана за деревней. Я взял ее, пока Касс спала.

Он повернулся к родителям.

— Если Касс найдет, где я закопал ее куклу, значит, она — провидец. Это будет доказательством.

Мать упрекнула его и положила руку мне на плечо, но весь день я замечала, как пытливо поглядывали на меня родители. Я плакала, как и задумывала. К тому же, видя подозрительность родителей, это было не так уж сложно. Как же сильно им хотелось узнать, кто из нас Омега, пусть даже это означало, что им придется отослать меня навсегда.

А вечером я достала из маленькой коробки с игрушками незнакомую — на первый взгляд — куклу в простой белой рубашке и с уродливо остриженными волосами. Той ночью я снова обнимала свою Скарлетт. Еще за неделю до этого я убрала ее в коробку с игрушками, только прежде состригла ее длинные волосы, а красное платье надела на самую нелюбимую куклу.

С тех пор Скарлетт оставалась в моей кровати на виду, хоть и никто об этом не догадывался. Я же и не подумала идти к обугленной молнией иве в низовье реки и выкапывать куклу в красном платье, которую спрятал Зак.

Внизу, на кухне, мама с папой снова спорили, их голоса просачивались через доски пола, как дым.

— С каждым днем эта проблема становится всё невыносимее, — ворчал папа.

Голос мамы звучал тише.

— Они не проблема, они — наши дети.

— Один из них, — вскинулся он. О стол громко стукнул чайник. — Второй — заражен и опасен. И мы не знаем, кто из них.

Зак терпеть не мог, когда я видела, что он плачет, но в тусклом свете огарка свечи было видно, как подрагивает его спина. Я выскользнула из-под одеяла и сделала пару шагов к его кровати. Тихонько скрипнул дощатый пол.

— На самом деле он так не думает, — прошептала я, кладя руку ему на спину. — Он не хочет причинить тебе боль, когда говорит такое.

Он сел, сбросив мою руку. Я удивилась, увидев, что он и не пытался вытереть слезы.

— Не его слова меня ранят, — произнес он. — Всё, что он говорит, правда. Хочешь похлопать меня по спине и утешить, будто ты такая заботливая? Но не они мне причиняют боль. И даже не другие дети, которые бросают в нас камни. Это всё ты, понимаешь?

Взмах его руки словно захватил звуки, доносящиеся снизу, и заплаканное лицо.

— Это всё твоя вина. Проблема в тебе, Касс, а не в них. Из-за тебя мы живем, как в аду.

Внезапно я ощутила, какой студёный пол под ногами и как холоден ночной воздух, обвевающий голые руки.

— Ты действительно желаешь мне добра? — спросил он. — Тогда скажи им правду. Ты можешь прекратить весь этот кошмар прямо сейчас.

— Ты и правда хочешь отослать меня прочь? Но это же я. Я не какое-то чужое, опасное существо. Забудь о том, что Совет говорит о заражении. Это просто я. Ты ведь меня знаешь.

— Ты твердишь одно и то же. Почему я должен думать, что знаю тебя? Ты никогда не была честна со мной. Ты никогда не говорила правду. Мне пришлось самому всё выяснить.

— Я не могла сказать тебе, — ответила я. Даже такое признание в нашей комнате с ним наедине было огромным риском.

— Потому что ты не доверяла мне. Тебе нравится притворяться, что мы так близки. Но ты врала мне всё это время. Ты никогда не доверяла мне настолько, чтобы рассказать правду. Все эти годы ты заставляла меня сомневаться. Бояться, что это я могу оказаться уродом. И теперь, ты думаешь, я должен верить тебе?

Я вернулась в свою кровать. Он все еще смотрел на меня. Сложилось бы всё иначе, если бы я доверила ему правду? Смогли бы мы разделить эту тайну и пройти через всё вместе? Перенял ли он это недоверие от меня? Может, это и был тот яд, который я несла в себе — не заражение от взрыва, которым страдали все Омеги, а скрытность? Слеза повисла на его верхней губе. Она поблескивала золотом в свете свечи. Мне не хотелось, чтобы он заметил слезы на моем лице. Я дотянулась до стола и задула свечку.

— Всё это скоро закончится, — прошептал он в темноте не то с угрозой, не то с мольбой.

Его страстное желание разоблачить меня обострилось еще больше, когда заболел папа. Нам тогда только что исполнилось тринадцать. Как и в предыдущем году, никто даже не упоминал о дне рождения — наш возраст стал постыдным напоминанием о том, что мы до сих пор не разделены. Той ночью Зак прошептал через всю комнату:

— А ты знаешь, какой сегодня день?

— Конечно, — ответила я.

— С днем рождения, — произнес он шепотом, так что я не смогла разобрать, был ли это сарказм.

А два дня спустя папа упал как подкошенный. Папа всегда казался крепким и несокрушимым, как огромная дубовая балка, которая держала потолок кухни. Он носил ведра из колодца быстрее, чем кто-либо другой в деревне, и когда мы с Заком были младше, он мог нести нас обоих сразу. Наверняка ему и сейчас оказалось бы это по силам, но теперь он нас старался не касаться. И вдруг, в самый разгар дня, он рухнул на колени в загоне. В тот момент я сидела на каменной плите посреди двора, очищая горох, и слышала крики людей, работавших в поле.

Тем вечером, когда соседи принесли его домой, наша мать послала за сестрой отца, Алисой, из поселения Омег в долине. Зак вызвался поехать за ней вместе с Миком. На следующий день они вернулись с нашей тетей, лежащей на охапке сена в телеге.

Прежде мы никогда ее не видели, и единственным сходством между ней и папой казалась лихорадка, что охватила их обоих. Она была худенькой, с длинными волосами много темнее, чем у папы, в платье из грубой коричневой ткани, штопаной-перештопаной и усеянной соломинками. Пряди волос налипли на потный лоб, но не скрывали клеймо Омег.

Мы ухаживали за ней как могли, но было ясно, что долго она не протянет. Мы держали Алису в сарае, а не в доме, но и это сводило Зака с ума. На второй день его ярость достигла высшей точки.

— Это омерзительно, — кричал он. — Она омерзительна. Как она может находиться здесь, с нами, а мы еще должны ухаживать за ней, как слуги? Это она убивает его! Она опасна для всех нас!

Мама и не пыталась его успокоить, только тихо сказала:

— Она убьет отца гораздо быстрее, если останется в своей грязной хижине.

Этот довод на Зака подействовал. Он хотел, чтобы Алиса ушла, но не желал посвящать маму в то, что рассказал мне предыдущей ночью. О том, что он увидел в поселении, откуда привезли Алису. О том, какой у нее маленький и опрятный домик с побеленными стенами и с такими же, как у нас, букетиками засушенных трав, висящими над камином.

Мама продолжала:

— Если мы спасем ее, мы спасем и его.

Ночью, когда свечи погасли и из родительской комнаты не доносилось ни звука, Зак рассказал мне, что Омеги в том поселении пытались помешать им увезти Алису — они хотели сами о ней заботиться. Но ни один Омега не смеет спорить с Альфами, и Мик стал размахивать кнутом, пока те не попятились назад.

— А разве это не жестоко, забирать ее из семьи? — прошептала я.

— У Омег нет семьи, — отрезал Зак.

— Детей нет, но есть люди, которых она любила. Друзья или муж...

— Муж?

Это слово повисло в воздухе. Официально Омегам не разрешалось жениться, но все

знали, что они все равно женились, хотя Совет и не признавал такие союзы.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Она жила одна, — ответил он. — Там было несколько уродов, которые кричали, что им лучше знать, что ей нужно.

Мы крайне редко видели Омег прежде, не говоря уж о том, чтобы находиться с ними так близко. Маленького Оскара соседи отослали сразу, как только отняли от груди и сделали клеймо. Иногда странствующие Омеги проходили мимо, но редко останавливались дольше чем на ночь, разбивая лагерь в низовье за деревней. Они шли в надежде попытать счастья в каком-нибудь крупном поселении Омег на юге. В неурожайные годы некоторые Омеги, бросив выделенный им клочок бесплодной земли, держали путь в один из приютов на окраине Виндхэма. И-за роковой связи между близнецами Совет пошел на своего рода уступку, открыв несколько приютов для Омег. Им не могли позволить умереть с голоду и забрать на тот свет своего близнеца Альфу. Поэтому близ крупных городов работали приюты, где Омеги могли получить кров и еду. Впрочем, совсем немногие Омеги отправлялись туда охотно, хоть приюты и считались последней надеждой для голодных и страждущих. По сути, приюты являлись работными домами, и тот, кто принимал помощь, должен был отплатить за щедрость Совета трудом. Они работали на фермах при приютах до тех пор, пока Совет не решит, что долг уплачен. Мало кто решался пожертвовать свободой за еду, пусть и три раза в день. Как-то раз мы с мамой относили обедки кучке Омег, остановившихся неподалеку на ночь по пути к приюту рядом с Виндхэмом. Уже стемнело, один из них поднялся от костра и принял мамин сверток в полном молчании, указывая при этом на горло и давая понять, что он нем. Я старалась не смотреть на клеймо в середине лба. Меня поразила его худоба — самым широким местом в его ногах были колени, а на пальцах — костяшки. Казалось, скелет обтягивала одна только кожа. Я подумала, что мы можем немного посидеть у костра вместе с путниками, но мамыны глаза выказывали настороженность, даже бóльшую, чем читалась во взгляде этого Омеги. За его спиной виднелась группа из нескольких человек, сидящих вокруг горящего пламени. Я не могла понять, что было истинным изъяном их тел, а что — причудливой игрой теней и бликов, отбрасываемых огнем. Удалось рассмотреть лишь одного человека — он, склонившись, тыкал в огонь палкой, зажатой меж двух обрубков рук. Глядя на этих тощих, запуганных и изможденных людей, приютившихся у костра, никак не верилось, что где-то существует Ополчение Омег, о котором тайком перешептывались, или Остров — цитадель ополченцев. Как могли они, такие немощные, мечтать о свержении власти Совета с его многотысячной армией солдат? Все Омеги, которых я встречала, были бедны и изувечены. Кроме того, они, как и все мы, наверняка слышали историю о том, что случилось около века назад или чуть раньше, когда на востоке вспыхнуло восстание Омег. Конечно, Совет не мог просто взять и всех истребить, не убив при этом их близнецов, но, по слухам, то, что сделали с мятежниками, оказалось еще хуже. Пленных Омег подвергли столь ужасным пыткам, что их близнецы Альфы даже за сотню миль падали со страшным криком наземь. Самих мятежников больше никогда не видели, но их близнецы продолжали страдать от необъяснимых болей в течение долгих лет. Подавив восстание, Совет полностью спалил восточную часть. Они выжгли все поселения в тех краях, даже те, что не были причастны к восстанию. Солдаты уничтожили посевы и дома, хотя восточная сторона и так находилась на границе с мертвой землей — самым жутким местом, рядом с которым Альфы ни за что не стали бы жить. Смертоносный огонь не оставил ничего, кроме черного пепелища, и вся местность казалась теперь продолжением Мертвой Земли.

Я вспоминала те истории, пока разглядывала группку Омег, их неуклюжие тела, склонившиеся над обедками, что принесла моя мать. К своему стыду, я испытала облегчение, когда она взяла меня за руку и спешно повела назад в деревню. Образ немого Омеги, который не осмелился даже взглянуть на нас, когда брал сверток с едой, еще две недели стоял у меня перед глазами.

Сестра моего отца не была немой. В течение трех дней Алиса стонала, кричала и сыпала проклятьями. Сладковатый зловонный запах ее дыхания пропитал сарай, а потом и дом, когда папе стало хуже. Травы, которые мама бросала в огонь, не могли перебить его. Пока мама ухаживала за папой в доме, мы с Заком по очереди присматривали за Алисой, хотя по негласной договоренности большую часть времени мы сидели вместе, а не поодиночке.

Однажды утром, когда приступ кашля заглушил проклятья Алисы, Зак тихо спросил у нее:

— Что с тобой?

Она устремила на него прямой и ясный взгляд.

— У меня жар, как и у твоего отца.

Зак нахмурился.

— Не сейчас, а вообще. Что с тобой не так?

Алиса расхохоталась, закашлялась и потом снова захохотала. Подозвав нас поближе, она откинула влажную от пота простынь. Ночная сорочка спускалась едва ниже колен. Мы уставились на ее ноги с любопытством и отвращением. Сначала я вообще не видела никаких отличий: ноги были худыми, но сильными. Ноги как ноги, ничего особенного. Я слышала истории об одном Омеге, чьи ногти росли как чешуя по всему телу, но ногти Алисы были не только на месте, но оказались чистыми и аккуратно подстриженными.

Зак нетерпеливо спросил:

— Что? Где?

— Тебя разве в школе не научили считать?

Я ответила вместо Зака, понимая, что тот не стал бы говорить такое:

— Мы не ходим в школу. Нам нельзя, потому что нас не разделили.

Он быстро перебил меня:

— Но мы умеем считать. Мы учимся дома — числам, письму и всему остальному.

Его взгляд, как и мой, быстро скользил по ногам Алисы. На левой ноге мы насчитали пять пальцев, на правой — семь.

— Вот что со мной не так, милый, — вымолвила Алиса. — Пальцев у меня с избытком.

Она взглянула на понурое лицо Зака и перестала ухмыляться.

— Да и не только, — сказала она почти по-доброму. — Вы просто не видели, как я хожу, только на вашу тележку да с тележки. Но я всегда хромала — у меня правая нога короче и слабее левой. Ну и, конечно, как ты знаешь, не могу иметь детей. Пустьшка — как нас любят называть Альфы. Но пальцы — главная проблема: у меня никогда не было круглой десяточки.

Она снова стала смеяться, затем посмотрела прямо на Зака, приподняв бровь.

— Если мы так сильно отличаемся от Альф, дорогой, почему им требуется метить нас клеймом?

Он не ответил, и Алиса продолжила:

— И если Омеги такие беспомощные, почему же Совет так боится Острова?

Зак нервно оглянулся и цыкнул на нее так резко, что мне на руку упали крохотные капельки слюны.

— Нет никакого Острова. Это всё слухи и вранье.

На этот раз заговорила я:

— По дороге к Хейвену, когда в последний раз туда ходили, нам встретилась сожжённая лачуга. Папа сказал, что она принадлежала паре Омег, которые болтали об Острове.

— Он сказал, что той ночью солдаты Совета увели оттуда всех людей, — добавил Зак, снова оглянувшись на дверь.

— А еще люди говорят, что в Виндхэме есть площадь, — сказала я, — где секут плетью тех Омег, которые распускают слухи об Острове. Их бьют публично, чтобы каждый видел.

Алиса пожала плечами.

— Похоже, для простого вранья и сплетен Совет слишком уж усердствует.

— Это враньё, — зашипел Зак. — А тебе надо бы заткнуться, ты — ненормальная. Так ты навлечешь на нас неприятности. Не может быть такого места, где одни Омеги. Они бы не смогли. И Совет обнаружил бы его.

— Но ведь не обнаружил до сих пор.

— Потому что его нет. Это просто вымысел.

— Порой и этого бывает достаточно, — усмехнулась она.

Алиса продолжала ухмыляться еще несколько минут, пока её не одолел новый приступ лихорадки, и она снова потеряла сознание.

Зак поднялся.

— Пойду проверю, как папа.

Я кивнула, приложив холодную фланелевую тряпочку к тетиному лбу.

— С папой то же самое. Я имею в виду, что он тоже без сознания, — сказала я. Зак все равно вышел, громко хлопнув дверью сарая.

Теперь, когда тряпка закрывала клеймо на лбу, я смогла различить в ее лице папины черты. Я представила папу, что лежал в тридцати футах отсюда, в доме, и, каждый раз обтирая тряпкой ее лоб и морщась от отвращения, когда меня обдавало дыханием болезни, воображала себе, что ухаживаю за ним. Затем я положила свою маленькую ладонь на руку Алисы — подобное проявление близости отец ни разу не позволил в течение долгих лет. Мне подумалось, правильно ли это — чувствовать близость к этой незнакомке, которая принесла в наш дом болезнь отца, точно нежеланный подарок.

* * *

Алиса забылась сном, ее дыхание вырывалось из горла со свистом и бульканьем. Я вышла из сарая и увидела Зака. Скрестив ноги, он сидел на земле в косых лучах послеобеденного солнца и перекачивал в зубах соломинку. Я под села к нему. Немного погодя он сказал:

— Знаешь, а я ведь видел, как он упал.

Я поняла, что Зак до сих пор ходил за отцом везде, где только мог.

— Я искал яйца птиц в гнездах на деревьях, наверху загона, — продолжил он. — И всё видел. Вот он стоял и в следующий миг рухнул.

Зак выплюнул соломинку.

— Он пошатнулся, как пьяный. Затем приподнялся, держась за вилы, но снова упал, и больше я его не видел среди пшеницы.

— Мне жаль. Это, наверное, было страшно.

— Почему тебе жаль? Это ей должно быть жаль, — он кивнул на сарай за нашими спинами, откуда доносилось хриплое дыхание Алисы. Скопившаяся в ее легких жидкость боролась с воздухом.

— Он умирает, да?

Я не хотела ему лгать и кивнула.

— Ты можешь сделать что-нибудь? — спросил он и вдруг схватил меня за руку.

Из всего, что произошло за последние несколько дней — болезнь папы, появление Алисы, — самым странным казалось то, что сейчас Зак тянулся к моей руке, совсем как в детстве.

Когда мы были младше, Зак нашел в пересохшем русле маленький черный камень с отпечатком причудливого узора древней улитки. Улитка превратилась в камень, а камень — в улитку. Вот и мы с Заком стали точно та окаменелость. Мы словно просочились, вросли друг в друга. Изначально — потому что близнецы, а затем — благодаря годам, проведенным вместе.

И выбор тут ни при чем, так же, как камень или улитка не выбирали свой вечный союз. Я сжала его руку.

— Что я могу сделать?

— Что-нибудь. Не знаю. Хоть что. Это несправедливо, что она убивает его.

— Это не так. Она же не назло. С ней было бы то же самое, заболел он первым.

— Все равно это несправедливо, — повторил он.

— Болезнь вообще несправедлива, для всех. Но это просто случается.

— Вовсе нет. С Альфами такого не происходит, мы никогда не боеем. Это всегда вина Омег. Они слабые и больные. Несут в себе заразу после взрыва. И она такая. И теперь утягивает папу за собой.

Я не стала с ним спорить. Что правда, то правда — Омеги и в самом деле больше подвержены болезням.

— Но это не ее вина, — попыталась заступиться я. — Если бы он упал в колодец или его забодал бык, то тоже забрал бы ее с собой.

Он отбросил мою руку.

— Ты не переживаешь за него, потому что ты не одна из нас.

— Конечно, переживаю.

— Тогда сделай что-нибудь, — воскликнул он и со злостью утер слезинку, блеснувшую в уголке глаза.

— Я ничего не могу сделать, — ответила я.

Провидцы, по слухам, обладали многими разными способностями: предсказывали погоду, находили источники в засушливых землях, безошибочно угадывали чью-то ложь. Но я ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь обладал умением исцелять. Мы не могли изменить мир — только воспринимали его по-особенному.

— Я никому не скажу, — зашептал он. — Если ты сможешь ему, я не скажу ни слова. Никому.

Но не имело значения, поверила я ему или нет.

— Я ничего не могу сделать, — повторила я.

— Какой смысл тогда в твоей мутации, если ты даже не можешь сделать что-нибудь для него?

Я снова тронула его за руку.

— Он — и мой папа тоже.

— У Омег нет семьи, — отрезал он, отдергивая руку.

* * *

Алиса и папа прожили еще два дня. В ту ночь мы с Заком спали в сарае, сквозь сон различая хриплое дыхание Алисы. Внезапно я проснулась, потрясла Зака и сказала, не думая скрывать свои видения:

— Беги к папе. Скорее.

Он ушел сразу, даже не стал меня ни в чем обвинять. Я слышала, как его шаги раздавались на гравийной дорожке, ведущей к дому. Я поднялась и тоже собиралась пойти — ведь рядом умирал мой отец. Но неожиданно Алиса открыла глаза, сначала на миг, потом подольше. Мне не хотелось бросать ее одну в кромешной темноте незнакомого сарая, поэтому я осталась с ней.

Их похоронили вместе на следующий день, хотя на могильной плите значилось только имя отца. Мама сожгла ночную сорочку Алисы вместе с простынями с обеих кроватей, пропитанными потом лихорадки.

Единственным осязаемым напоминанием о существовании Алисы остался большой медный ключ, висевший у меня на шее под платьем. В ту ночь перед смертью Алиса, открыв глаза, увидела, что мы с ней одни. Она сняла с шеи ключ на веревке и передала мне.

— Позади моего дома, под кустами лаванды, зарыт сундук. То, что в нем лежит, поможет тебе, когда ты туда отправишься.

Затем она зашла в приступе кашля. Мне не хотелось принимать еще один непрошенный подарок от этой женщины.

— Откуда вы знаете, что это буду я?

Она снова закашлялась.

— Я этого не знаю, Касс. Просто надеюсь, что это так.

— Почему?

Я ухаживала за ней больше, чем Зак, как могла облегчала страдания этой чужой и дурно пахнувшей женщины. Почему она желала мне такое? Она снова вложила ключ в мою руку.

— Потому что твой брат полон страхов. Если он окажется Омегой, то попросту не выдержит.

— Это не страхи, он, наоборот, сильный, — я сама не знала наверняка, кого защищала — его или себя. — Просто злой.

По сараю прокатился скрипучий смех Алисы — почти неотличимый от приступа кашля.

— Да уж, еще какой злой. Но это почти одно и то же.

Она нетерпеливо отвела мою руку, когда я снова попыталась вернуть ключ. В конце концов я взяла его и спрятала, но все равно мне казалось, что это стало словно бы признанием, пусть и самой себе.

Стоя на кладбище и морщась от безжалостного солнца, я смотрела на Зака и понимала, что скоро всё закончится. Я чувствовала, что со смертью папы в сознании Зака что-то изменилось. Словно ржавый замок, который, наконец, поддался, эта перемена открыла путь его решимости.

Теперь наш дом наполнился ожиданием. Мне стало сниться клеймо. Во сне той первой ночи я положила руку Алисе на лоб и почувствовала шрам, обжигающий ладонь.

* * *

Всего через месяц после похорон я пришла домой и обнаружила там местного Советника. Стоял конец лета. Свежескошенное сено колело ноги, пока я пересекала поле. Еще издали, от реки, я заметила, что над крышей нашего дома поднимается дым, и с удивлением подумала, зачем понадобилось разводить огонь в такой жаркий день. Они поджидали меня внутри. Когда я увидела черные железные рукояти щипцов, торчащие из огня, услышала шипение горячей плоти — сны всех моих последних ночей, — тут же развернулась, чтобы убежать. Но мама крепко схватила меня.

— Ты же знаешь, Касс, Советника с низины.

Я не вырывалась, но не могла отвести глаз от огня, где на углях лежали раскаленные докрасна щипцы с вензелем на конце в форме знака Омега. Он выглядел гораздо меньше, чем виделось во сне. Мелькнула мысль, что знак такой маленький, потому что щипцы делают для клеймения младенцев.

— Кассандра, мы ждали тринадцать лет, чтобы разделить вас с братом, — изрек Советник. Он напомнил мне отца — такие же большие и сильные руки. — Это слишком долго. Один из вас жил здесь, хотя ему тут не место, а второй пропускал занятия в школе. Мы не можем оставить здесь Омегу, он заражен и опасен для всей деревни. И особенно опасен для своего близнеца. Каждый из вас должен занять свое место.

— Здесь наше место! Это наш дом! — закричала я, но мама сразу меня оборвала:

— Зак нам всё рассказал, Касс.

Советник продолжил:

— Твой близнец пришел ко мне.

Зак стоял за спиной Советника, слегка склонив голову. Теперь он посмотрел на меня. Не знаю, что я ожидала увидеть в его глазах. Скорее всего, торжество. Возможно, раскаяние. Однако в них читалась привычная настороженность. И, пожалуй, страх. Но меня и саму обуял ужас, снова приковавший всё моё внимание к щипцам. Я переводила взгляд от длинной черной рукояти к вензелю на конце — змеиному завитку, лежащему на горящих углях.

— Откуда вы знаете, что он не врет? — спросила я Советника.

Тот рассмеялся.

— Кто же станет врать о таком? Зак проявил мужество. — Он шагнул к камину и поднял щипцы. Со знанием дела дважды постучал ими о железную решетку, чтобы стряхнуть налипшую золу.

— Мужество? — я высвободилась из маминых рук.

Советник отступил от огня, высоко держа щипцы. К моему удивлению, мама больше не стала хватать меня или останавливать, когда я снова попятилась назад. Зато Советник метнулся с поразительной быстротой, учитывая то, какой он крупный. Затем схватил Зака за шею и одной рукой прижал к стене рядом с очагом. Во второй руке слегка дымились щипцы — прямо у лица Зака. Я в недоумении тряхнула головой, будто пытаюсь найти смысл в происходящем безумии. И в этот момент встретилась глазами с Заком. Даже сейчас, когда к нему поднесли щипцы и их тень легла на лицо, на его губах играла победная улыбка. Я им

даже восхитилась. Мой брат, мой сильный и умный близнец. В конце концов ему удалось удивить меня. А смогу ли я удивить его? Подыграть блефу и позволить, чтобы его заклеямили и изгнали? Я почти заставила себя так и сделать, но затем увидела, как торжествующая улыбка растаяла, обнажив страх, жгучий, как сами щипцы. Я почувствовала этот шипящий жар в паре дюймов от его кожи, и меня передернуло.

— Он солгал. Это я — провидец, — я заставила себя говорить спокойно. — Он знал, что я расскажу правду.

Советник убрал щипцы, но Зака не выпустил.

— Почему ты не сказал нам, если знал, что это она?

— Я пытался! Все эти годы. Никто мне не верил, — произнес Зак сдавленным голосом — крепкая рука Советника всё еще сжимала его горло. — Я не мог этого доказать. И не мог подловить ее.

— Откуда нам знать, что мы можем ей верить сейчас?

Для меня даже стало облегчением рассказать, наконец, всю правду: как вспышки видений приходили ко мне сначала по ночам, а потом и наяву. Как я просыпалась, ослепленная взрывом. Как знала о событиях прежде, чем они происходили: упавший сук, кукла, даже клеймо. Мама и Советник слушали меня очень внимательно. Только Зак, который уже всё знал, выказывал нетерпение. Наконец заговорил Советник:

— Ну что ж, ты достаточно долго от нас увиливала. Если бы не твой брат, ты бы и дальше могла нас дурачить.

Он погрузил щипцы в угли с такой силой, что они стукнулись о металлическую решетку.

— Неужели ты считала, что чем-то отличаешься от остальных грязных Омег? — Он не выпускал щипцы из рук. — Лучше, чем они, только потому, что ты — провидец?

— Видишь это? — Он вытащил щипцы из огня и схватил меня за горло.

Щипцы оказались совсем близко от моего лица и подпалили несколько прядей. От запаха жженных волос и пышущего жара я зажмурилась.

— Видишь это? — спросил он снова, взмахивая щипцами перед моими сомкнутыми веками. — Вот кто ты есть.

Я не кричала, когда тяжелая рука Советника придавила раскаленное железо ко лбу, хотя слышала, что Зак от боли испустил вопль. Я прижала руку к груди и стиснула ключ. Я сжала его так сильно, что позже, наверну, увидела, что на ладони остался отпечаток.

Они разрешили мне остаться на четыре дня, пока ожог не начал подживать. Зак втирал мне бальзам и при этом морщился, но не знаю, от боли или от отвращения.

— Лежи спокойно. — Он наклонился совсем близко, чтобы очистить рану. В углу рта показался кончик языка. Так всегда бывало, когда он делал что-нибудь сосредоточенно. Я слишком хорошо знала все эти мелочи и теперь осознавала, что больше их не увижу. Он снова промокнул лоб. Бережно, даже нежно, но я все равно вздрогнула, когда он коснулся раны.

— Прости, — вымолвил он.

Он не извинялся за то, что выдал меня, но просил прощения за волдыри на коже.

— Через несколько недель будет гораздо лучше. Но к тому времени я уже уйду. Но ты об этом не жалеешь.

Он положил тряпочку и выглянул в окно.

— Так больше не могло продолжаться. Мы не могли больше оставаться вместе. Это неправильно.

— Ты понимаешь, что теперь ты будешь сам по себе?

Он покачал головой.

— Это с тобой я был сам по себе. А теперь я смогу ходить в школу с другими детьми.

— С теми, кто бросал в нас камни, когда мы проходили мимо школы? Это я чистила твою рану, когда Ник разбил тебе камнем бровь. Кто будет вытирать твою кровь, когда меня прогонят?

— Ты этого до сих пор не понимаешь? — он улыбнулся. Впервые, насколько помню, Зак казался абсолютно спокойным. — Они бросали камни только из-за тебя. Потому что ты сделала из нас обоих уродов. Теперь никто в меня камень не бросит. Никогда.

В некотором смысле мне даже нравилось общаться открыто после вечных недомолвок. В эти последние дни до моего ухода нам было друг с другом так легко, как ни разу не бывало за все минувшие годы.

— Ты знала, что это наступит? — спросил он в мою последнюю ночь, задув свечу, стоящую на тумбочке между нашими кроватями.

— Я видела клеймо. И чувствовала, как оно жжет.

— Но ты не знала, каким образом я сделаю это? Что я объявлю себя Омегой?

— Я видела только, чем всё закончится. Что заклеят меня.

— Но это мог быть и я, если бы ты не создалась.

— Может быть, — я немного пошевелилась. Я могла лежать только на спине, чтобы подушка не касалась ожога. — Но в моих снах клеймили всегда меня.

Означало ли это, что и молчание меня бы не спасло? Знал ли он наверняка, что я признаюсь? А что, если бы я смолчала?

Я уходила на закате следующего дня. Зак едва скрывал ликование, чем, в общем-то, не удивил меня, однако больно было видеть, как торопилась распрощаться со мной мама. Она всячески избегала смотреть мне в лицо после того, как на нем выжгли клеймо. Сама я видела себя только раз, тайком проникнув в мамину комнату, чтобы посмотреть в маленькое зеркало. Ожог всё еще выглядел вспухшим, а волдыри — воспаленными, но метка была четко различима. Я вспомнила слова Советника и сказала их сама себе: «Вот кто я»

есть». Не касаясь обожженной кожи, я повторила пальцем контуры клейма: неполный круг, вроде перевернутой подковы с короткими горизонтальными линиями на обоих концах. «Вот кто я есть», — произнесла еще раз. Странно, но когда я ушла, то испытала облегчение. Несмотря на всё еще острую боль от ожога, на то, как мама торопливо сунула в руки сверток с едой, когда я попыталась обнять ее, меня вдруг охватило чувство свободы, потому что годы скрытности остались позади. Когда Зак пожелал на прощанье: «Береги себя», я чуть не рассмеялась вслух.

— Ты хотел сказать — беречь тебя?

Он посмотрел прямо, в отличие от матери, не отводя взгляда от моего клейма.

— Да.

Я подумала, что, наверное, впервые за все эти годы мы полностью честны друг с другом.

Конечно, я плакала. Мне исполнилось всего тринадцать, и я никогда не расставалась с семьей. Самой долгой разлукой с Заком стал тот день, когда он ездил за Алисой. Я даже подумывала, возможно, было бы легче, если бы меня заклеямили в младенчестве. Я бы выросла в поселении Омег, не зная, что это — жить с семьей, со своим близнецом. Я могла бы завести друзей, хоть и не знала толком, что это значит, потому что кроме Зака у меня никогда и ни с кем не складывалось близких отношений. Зато, по крайней мере, подумалось мне, больше не придется скрывать, кто я есть. Но ошиблась. Едва вышла за деревню, как встретила группу детей моего возраста. Хотя мы с Заком не ходили в школу, но все равно знали всех местных детей. Мы даже играли вместе в раннем детстве, пока наша неразделенная пара не стала предметом всеобщего беспокойства. Зак всегда вел себя уверенно и утверждал, что будет драться с кем угодно, кто посмеет заявить, что он не Альфа. Но с возрастом родители начали внушать своим детям, чтобы те держались от неразделенных близнецов подальше. Мы всё теснее общались друг с другом, но в то же время в Заке копилась обида за то, что нас отвергали. А в последние несколько лет дети не только сторонились нас, но и открыто насмехались, швыряли камнями и всячески оскорбляли, если поблизости не оказывалось наших родителей.

Четверо детей — трое мальчишек и девочка — катались на паре старых ослов, обгоняя друг друга, сидя верхом на смешных ослиных спинах. Я слышала их издали, а вскоре и увидела. Я шла, опустив голову и держась ближе к обочине узкой дороги. Но слухи о нашем разделении разошлись очень быстро, и когда они оказались ближе и увидели мое клеймо, их охватило возбуждение — ведь новость подтвердилась!

Они обступили меня. Ник, самый высокий среди них, заговорил первым, пока остальные взирали с нескрываемым отвращением на мой лоб:

— Похоже, Зак наконец сможет ходить в школу.

Ник годами не разговаривал с нами обоими, только выкрикивал оскорбления, но, видимо, мое клеймо вызвало расположение к Заку. Другой мальчишка бросил:

— Такие, как ты, не должны здесь находиться.

— Я уйду, — ответила я, пытаюсь вырваться, но Ник преградил дорогу и толкнул меня к своим дружкам, которые тотчас подхватили забаву и тоже принялись толкать. Я выронила сверток и инстинктивно прикрыла рану, пока мальчишки толкали меня друг к другу, зажав в узком кольце и злобно выкрикивая: уродка, пустышка, зараза. Заслоняя лицо руками, я повернулась к Рут, темноволосой девочке, живущей в нескольких домах от нас, и прошептала: «Пожалуйста, останови их».

Рут подошла ближе. На миг я подумала, что она собирается взять меня за руку. Но она

наклонилась, подобрала мою фляжку и медленно вылила воду на землю. Один из ослов, пытаясь попить, почавкал губами, но вода быстро впиталась в песок.

— Это наша вода, — процедила Рут. — Из колодца Альф. Ты и так слишком долго заражала ее, уродка.

Они ушли, не оглядываясь. Я ждала, когда их силуэты исчезнут из виду, и только потом собрала свои вещи и пошла вниз к реке. То, что Рут вылила всю фляжку, — потеря не большая. Речная вода, пусть теплая и солоноватая, вполне пригодна для питья. Но, пока я сидела на берегу реки, заново наполняя флягу, мне стал понятен смысл ее жеста. Для Альф, даже для мамы, вся моя жизнь до настоящего момента считалась сплошной ложью, и место в деревне я занимала обманом.

После этой стычки я свернула с дороги и остаток дня пробиралась вдоль берега реки. На голову низко повязала платок и каждый раз вздрагивала, когда ткань задевала ожог. Один раз, когда проходила мимо фермы, мне встретилась женщина-Альфа, которая вела к реке коз, чтобы напоить их. Я миновала ее в полном молчании, низко опустив голову.

Я дошла до ущелья, ведущего на запад к башням, и, не останавливаясь, продолжила путь дальше, на юг, куда прежде никогда не заходила. У Зака поездка до поселения Омег, когда он забирал Алису, заняла полдня. Мне же пешком да в стороне от дорог понадобилось почти трое суток, тем более что мои шаги решительно не поспевали за ритмом, звучащим у меня в голове. Несколько раз за день я останавливалась, чтобы смочить пылающий лоб в речной воде и отломить немного хлеба из свертка, что дала мама. Спала на берегу реки, радуясь теплу летней ночи. На утро второго дня я снова вышла на дорогу, там, где она уходила в сторону от реки и поднималась к долине. Я все еще боялась встретиться с людьми, но уже по другой причине. Теперь я вступила на территорию Омег. Здесь даже природа выглядела совершенно по-другому. Альфы всегда отбирали для себя земли получше. Я выросла на просторных фермерских угодьях с богатой илистой почвой. Здесь же простиралась каменистая земля, высушенная палящим солнцем. Местами виднелась редкая поросль чахлой и бледной травы, а вдоль обочины кустилась ежевика. Ее колючие листья опутала, словно туман, серебристая паутина. Станным показалось мне и то — хоть я и заметила это не сразу, а лишь тогда, когда захотела наполнить опустевшую фляжку, — что здесь совсем не слышалась река. Впервые в жизни. За эти годы я так привыкла к речному шуму, что он казался чем-то незыблемым. Я знала его прекрасно: всплески воды в период половодья, гудение насекомых над спокойной гладью летним днем. Река всегда служила для меня главным ориентиром: верховье — это юг. От деревни выше по течению — ущелье и башни, к которым мы с Заком подбегали на спор. Еще выше находился Виндхэм, самый крупный город, где располагалась крепость Совета. Я никогда не заходила так далеко, но слышала истории о размерах и богатстве этого города. Даже приют на окраине Виндхэма, как рассказывала мама, был больше, чем любой город из тех, что я видела. Река устремлялась на север, через поля и большие деревни. Если идти вниз по течению, то за день можно добраться до Хейвена — торгового города, куда папа брал нас с собой маленькими. Ниже Хейвена реку перерезали небольшие пороги, о которых прежде я и не знала.

В краю Омег я не теряла уверенности, что найду дорогу, потому что обычно чувствовала местность, так же как эмоции и события, но без реки самой себе казалась оторванной от всего родного и знакомого. Через долину пролегла только одна дорога, по ней я и шла, как наставляла меня мама. Свернула лишь раз, проследовав за чирикающими птицами к маленькому роднику, бьющему из трещины в скале, где быстро напилась, и затем снова

вернулась на пустынную дорогу.

Когда вдалеке показались дома, на долину опускалась ночь, и в окнах уже зажглись первые огни. Поселение уступало по размерам моей деревне, но выглядело не таким уж маленьким, поэтому никаких сомнений не возникло, что это оно и есть.

Горстку приземистых домишек окружали голые поля (здесь недавно собрали весь урожай), перемежавшиеся большими валунами. Я откинула платок с головы и отогнала мух, которых влекла все еще сочащаяся рана. Вот кто я есть — напомнила сама себе, одной рукой сжимая ключ, висевший на шее. Я подходила ближе, и мне, маленькой и одинокой на разбитой дороге, вдруг захотелось, чтобы Зак оказался рядом. Глупая мысль, с упреком подумала я. Тем не менее мой близнец навсегда остался со мной, как и шум реки.

Шли годы. В те годы я по крайней мере была благодарна Алисе, от которой мне достался дом и шкатулка с бронзовыми монетами, найденными в сундуке, зарытом под лавандовым кустом. Правда, за шесть лет жизни в поселении у меня осталось всего несколько монет, но деньги помогали выжить в тяжелое время и выплатить налог сборщикам податей, которые являлись от Совета в обязательном порядке — независимо от того, хороший ли выдался урожай или скудный, а заодно и поддержать тех, кто иначе умер бы от голода. Маленький Оскар из деревни моих родителей тоже жил здесь на попечении своих родственников в доме по соседству. Его отослали совсем маленьким, и он, конечно, не помнил меня, но всякий раз, встречая его, я чувствовала невидимую связь с деревней и со всем тем, что осталось в прошлом. И хотя все продолжали называть мой дом Алисиным, постепенно я там прижилась. Другие Омеги привыкли ко мне, правда, все равно сторонились. Их отчужденность можно понять: до тринадцати лет я жила среди Альф, они просто не могли считать меня своей. Ко всему прочему, я была провидцем, что настораживало их еще больше. Пару раз даже слышала, как они шептались, что у меня нет видимых изъянов. Слышала и как мой сосед Клэр на мое предложение помочь перестелить соломой их крышу обратился к своей жене Нессе со словами: «Всё для нее слишком просто. Непохоже, что ей приходится бороться за жизнь, как всем нам». В другой раз, работая в саду, уловила, как Несса велела мужу держаться от меня подальше, так как ей не хочется, чтобы я сидела у них на кухне. «У нас полно хлопот и без соседки, которая роется в наших мыслях». Не имело смысла объяснять, что у меня все происходило иначе. Что я вижу впечатления, а не историю в чистом виде. И что мне проще узреть вид города, который за десять миль к востоку от нас, чем прочесть сокровенные мысли Нессы. Но я продолжала молча собирать улиток с бобовых стеблей, притворяясь, что ничего не услышала. А позже узнала, что если Омеги считались опасными, то провидцы — вдвойне. Здесь я оказалась более одинокой, чем в деревне, где, по крайней мере, могла общаться с Заком, хоть это его и раздражало.

Я удивилась, обнаружив в домике Алисы книги. Омегам не разрешалось посещать школу, поэтому большинство не умело читать. Но в сундуке вместе с монетами лежали две тетради с рукописными рецептами и одна — с песнями. Некоторые песни были мне знакомы, еще в деревне я слышала, как их пели барды. Нам, как неразделенным близнецам, тоже не разрешалось ходить в школу, поэтому мы занимались чтением украдкой. Иногда нас учила мама, но чаще мы сами по себе царапали буквы на глинистом берегу реки или в пыли на заднем дворе. Позже у нас появились книги, но совсем мало. Например, букварь с картинками, который папа сохранил еще со своего детства. В деревенском клубе хранилась книга, в которой подробно описывалась история нашего края, перечислялись местные Советники и законы, за которыми они следили. Даже в нашей вполне зажиточной деревне книги считались большой редкостью: умение читать служило для того, чтобы разобраться в инструкциях на пакете с семенами, купленном на рынке, или чтобы заглянуть в записи Деревенской книги, где значились имена двух бродячих Омег, пойманных и избитых за кражу овцы. В поселении мало кто умел читать, и еще меньше тех, кто признался бы в этом. Для Омег книги являлись недозволённой роскошью.

Я никому не сказала о книгах Алисы, но читала и перечитывала их раз за разом так, что страницы стали отрываться от корешка, когда их перелистывала, словно у книг настала

вечная осень.

Вечерами, закончив работу в поле, я возвращалась домой и проводила целые часы на кухне Алисы, осваивая ее краткие советы о том, как добавлять розмарин в хлеб или как быстрее всего очистить чеснок. Когда я впервые воспользовалась ее рецептом и научилась давить чеснок плоской стороной ножа так, что зубчик выскакивал из шелухи как конфетка из обертки, почувствовала душевную близость с Алисой, какой не возникло ни с кем другим в поселении.

В эти тихие вечера я часто думала о маме и Заке. Сначала мама писала мне несколько раз в году. Ее письма доставляли торговцы-Альфы, которые даже не спешили, проезжая мимо поселения, и просто швыряли письма из своих седельных сумок. Спустя два года после того, как я стала жить в поселении, она написала, что Зак подрабатывает в Совете, в Виндхэме. Весь следующий год до меня доходили вести: Зак устроился на хорошую службу. Он стал более влиятельным. А спустя еще пару лет мама написала, что руководитель Зака умер и теперь мой брат занял его пост. Нам исполнилось всего по восемнадцать, но многие Советники начинали свою карьеру с юных лет. Впрочем, они и умирали молодыми — о соперничестве и подковёрных играх внутри Совета ходили легенды.

Пожалуй, только Судья был одного возраста с моими родителями и занимал свой пост в Совете столько, сколько себя помню. Но это единичные случаи. В основном в Совете работала молодежь. До нас, даже в поселение, доходили истории о взлетах и падениях Советников. Казалось, в беспощадном мире крепости Совета в Виндхэме жестокость и амбиции значили больше, чем знания и опыт. Меня не удивило, что Зака потянуло именно туда, как не удивило и то, что он прекрасно справляется со своими обязанностями. Я постаралась представить его в роскошных апартаментах Совета. Сразу вспомнилась его победная улыбка, когда он разоблачил меня, и то, что он сказал потом: «Никто больше не бросит в меня камень. Никогда». Я боялась за него, но никогда не завидовала, даже в самый тяжелый неурожайный год, когда в поселении голодали.

Потом мама стала писать совсем редко — раз в год, и о том, что творилось в мире, я узнавала, собирая сплетни на рынке Омег в западной стороне, или же от странников, проходящих мимо поселения. При себе у них всегда имелись маленькие котомки и уйма разных историй. Они шли к западу в поисках более пригодных для фермерства земель, поскольку скудная почва рядом с Мертвой Землей едва ли давала достаточно урожая, чтобы платить налог Совету, не говоря уж о том, чтобы еще и на жизнь хватало. Однако те, кто приходил с запада, сетовали на жестокие меры Совета: Омег выгоняли с давно обжитых мест, потому что эта земля стала считаться слишком хорошей для них. Налетчики-Альфы грабили и уничтожали урожаи. Всё больше и больше людей вынуждены были искать себе убежища. Слухи об ужесточившемся обращении с Омегами приходили всё чаще. Даже в нашем поселении, где земля считалась лучше, чем во многих других краях, мы ощущали на себе постоянное давление неуклонно растущих налогов, взимаемых сборщиками податей. Да и налетчики-Альфы тоже нападали на нас. Первый раз они явились и избili Бена, чей дом стоял на краю поселения. Они забрали всё, что смогли унести, в том числе и деньги, которые он отложил для уплаты налога за следующий месяц. Второй раз они пришли в неурожайный год и, не найдя ничего, что можно украсть, позабавились тем, что подожгли сарай. Когда я предложила соседям обратиться к Совету, они зашипели на меня.

— Хочешь, чтобы Совет прислал сюда солдат и они сожгли вообще всё поселение? — спросил Клэр.

— Ты слишком долго жила в деревне Альф, Касс, — добавила Несса. — Ты всё еще не ничего не понимаешь.

Однако я набиралась житейского опыта с каждой новой доходившей до нас историей о жестокости. Но крутились и другие слухи, хотя реже и тайком. Шептались об Ополчении Омег и об Острове. Но, глядя, как безропотно мои соседи восстанавливали сарай, я сильно сомневалась, что это правда. Совет правил уже сотни лет, и сама мысль, что где-то существует место, неподвластное их контролю, казалась выдумкой. И в любом случае, зачем нужно это Ополчение? Роковая связь между близнецами являлась нашей гарантией безопасности. Даже сейчас, когда после засухи на Омег накладывали всё больше и больше ограничений, совсем задавили налогами и гнали на земли победнее, мы знали, что, в конечном итоге, Совет защитит нас. Для того и существовали приюты, потому-то после неурожайного года всё больше Омег обращалось туда. Той зимой мои кости буквально торчали наружу, обтянутые кожей. Тогда мы все так выглядели — кожа да кости. Одна пара решила покинуть поселение и отправилась в ближайший приют близ Виндхэма. Мы всячески уговаривали их остаться, суля новый урожай к следующей весне. Но их терпение иссякло. Всё поселение вышло на рассвете посмотреть, как они заперли свой дом и отправились вниз по каменистой дороге.

— Не понимаю, зачем они заперли дом, они же не вернуться, — подала голос Несса.

— По крайней мере, они будут сыты, — вздохнул Клэр. — Справедливо, что им придется за это отрабатывать.

— Какое-то время, конечно. Но теперь, говорят, кто однажды попал туда, останется навсегда.

Он пожал плечами.

— Они сами выбрали это.

Я снова взглянула на удаляющиеся силуэты. Они взяли с собой мешки со скромными пожитками, которые выглядели больше, чем их тощие тела. И правда, какой у них выбор?

— В любом случае, — продолжила Несса, — нельзя сказать, что без таких приютов было бы лучше. По крайней мере, мы знаем, что Совет не даст нам умереть с голоду.

— Не даст, — подошел Бен, старейший в поселении. — Но дали бы, если бы могли освободиться от нас. Но не могут. В этом всё дело.

* * *

Весной, когда подошел новый урожай и голод отступил, в повозке приехала моя мать. Бен проводил ее к моему дому, но я не знала, как приветствовать ее. Она выглядела почти так же, как и раньше, отчего я еще острее почувствовала собственную перемену. И дело не только в том, что я выросла за эти шесть лет, а в том, что всё это время жила, как Омега. Это изменило меня больше, чем мог изменить голод.

С тех пор, как стала жить в поселении, я не раз встречала Альф: сборщиков податей, торговцев, что иной раз тайком приезжали на рынок Омег. Даже среди Альф попадались нищие и бездомные, которые странствовали в поисках лучшей жизни и порой проходили мимо поселений Омег. Все они взирали на нас свысока, с неприкрытым презрением, если вообще достаивали взгляда. Я слышала, как они называли нас: уроды, пустышки. Но во сто крат сильнее слов оскорбляли их манеры: жесты и движения, что выказывали презрение и

страх заразиться от Омег. Даже самые оборванные торговцы-Альфы, которые пали настолько, что продавали свои товары Омегам, морщились, когда брали из наших рук монеты. Хоть меня и заклеямили, но когда я уходила из деревни, то не знала, что значит быть Омегой. Я помнила боль, когда мама не обняла меня на прощанье. Теперь, когда она неловко переминалась с ноги на ногу, стоя посреди кухни, я знала, что не стоит и пробовать коснуться ее.

Мы сели друг напротив друга за кухонным столом.

— Я пришла, чтобы дать тебе это, — сказала она, передав мне золотую монету. Зак, по ее словам, отправил ей шесть таких монет. Каждая по цене равнялась урожаю за полгода. Монета быстро нагрелась в ладони. Я перевернула ее, затем снова взглянула на аверс.

— Зачем ты мне ее даешь?

— Тебе она понадобится.

Я обвела рукой дом вокруг нас, показала на гроздь инжира, виднеющиеся в маленькое окошко.

— Я ни в чем не нуждаюсь. Живу прекрасно. Да и потом, прежде тебя это не слишком беспокоило.

Она наклонилась вперед и тихо произнесла:

— Ты не можешь здесь оставаться.

Я бросила монету на стол. Она звякнула раз-другой, ударившись об исцарапанное дерево столешницы.

— Что ты имеешь в виду? Тебе было мало выгнать меня из деревни?

Мама покачала головой.

— Мне жаль, что пришлось так поступить. Я не хотела этого. Может быть, и не должна была. Но сейчас тебе придется взять деньги и уходить. Как можно скорее. Всё дело в Заке.

Я вздохнула.

— Это уж как всегда.

— Зак сейчас очень влиятельный. И значит, у него полно врагов. Люди часто говорят о нем, о его делах в Совете.

— И что же это за дела? Нам всего девятнадцать. И в Совете он только год.

— Ты слышала о Воительнице?

— Все слышали о ней.

Омеги в особенности. Каждый раз, когда на рынке жаловались на новые законы, направленные против Омег, упоминали шепотом ее имя. Или когда последние пару лет сборщики податей требовали от нас повышенную плату, то ссылались на последние реформы Воительницы.

— Она едва ли на год старше вас с Заком. У Совета полно врагов, Касс. Многие Советники живут совсем недолго.

Как и их близнецы, хотя ей необязательно было говорить об этом.

— Ты же знаешь, какой Зак. Целеустремленный, даже излишне, амбициозный. Его теперь называют Реформатором. У него есть последователи, и он работает с важными людьми. Наверняка очень скоро кто-то попытается добраться до тебя.

— Нет, — я отодвинула монетку. — Я не уеду. Даже если у него есть враги, он не позволит им причинить мне вред. Он будет держать меня в безопасности.

Она обошла стол, как будто хотела взять меня за руку, но остановилась. Сколько же времени прошло, подумалось мне, с тех пор, как кто-то касался меня с нежностью?

— Вот этого-то я как раз и боюсь.

Я взглянула на нее в недоумении.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты слышала о Камерах Сохранения?

Этот слух тоже гулял среди нас, как трава перекаати-поле по долине. Шептали, что под крепостью Совета в Виндхэме есть тайная тюрьма, где Советники держат своих близнецов Омег. Это и есть Камеры Сохранения: подземные помещения, где держат взаперти Омег, безымянными, чтобы никто не мог добраться до могущественных Альф через их близнецов.

— Что? Но это просто слухи! А даже если и правда, то Зак никогда бы так не поступил. Я знаю его лучше всех.

— Нет, ты к нему ближе всех, но это не одно и то же. Он придет за тобой, Касс, и запрет навсегда, чтобы защитить себя.

Я покачала головой:

— Он так не поступит.

Кого я пыталась убедить: ее или себя? В любом случае, она не стала продолжать спор. Мы обе знали, что я не уеду.

Уезжая, мама протянула руку из тележки и вложила монету в мою ладонь. Я ощутила ее тяжесть, когда тележка уже тронулась. Я не потратила ее ни на побег, ни на еду. Сохранила, как ключ Алисы, и каждый раз, сжимая ее в руке, думала о Заке.

Зак научил меня еще ребенком скрывать свои видения. Его стремление разоблачить меня приучило быть бдительной и держать в секрете то, что знала. Вот и сейчас я снова заглушала свои предчувствия, и снова — из-за него. Я отказывалась внимать постоянно являвшимся мне образам: когда выходила из дома, когда работала в поле или когда останавливалась, чтобы плеснуть воды из фляжки на лицо. Я доверяла ему больше, чем своим видениям. Он так не поступит, повторяла я сама себе, вспоминая, с какой нежностью он обрабатывал мою рану после того, как мне выжгли клеймо. Мне вспоминались дни, месяцы, годы, проведенные вместе, когда вся деревня косилась на нас с подозрением. Даже когда думала о его враждебности, о бесчисленных жестоких выходках, то знала, что он зависел от меня так же сильно, как я — от него.

Отныне я работала еще усерднее, чем обычно. Во время сбора урожая — самой горячей поры — на руках у меня живого места не осталось: сплошные мозоли от косы, пальцы, исколотые в кровь колосьями пшеницы. Я пыталась сосредоточиться на окружающих меня звуках: скрежете косы, шелесте падающих колосьев, криках других работников. Каждый день трудилась допоздна. Лишь когда ночь неохотно вступала в свои права, я возвращалась в темноте домой. И это помогало. Я почти убедилась, что они вообще не придут, пока однажды не почувствовала приближение вооруженных всадников так же явственно, как косу в руках или тропинку между полями, что вела к моему дому.

Когда всадник подхватил меня и поднял вверх, я мельком увидела внизу отблеск золота. Монета выпала из кармана на землю и тотчас затерялась, втопанная копытами в грязь.

Когда Зак наконец пришел в мою камеру, я насчитала сто восемнадцать дней. Двести тридцать шесть подносов с едой. Восемь посещений Исповедницы. Шаги своего брата я узнавала безошибочно, как и звук голоса, и особое дыхание, когда он спал. В тот короткий миг, пока он открывал замок, показалось, будто чередую пронесли все эти годы без него. Я подскочила при звуке его шагов, но когда дверь отворилась, заставила себя сесть на кровать.

Он на мгновение задержался в проеме. Взглянув на него, я увидела двоих: мужчину, что стоял передо мной, и мальчишку, который немедленно всплыл в памяти. Зак вырос высоким. Темные волосы теперь длиннее и гладко зачесаны за уши. Лицо стало полнее, смягчилась острота скул и подбородка. Я помнила, что летом у него на носу высыпали веснушки, точно горстка песка. Сейчас их не было, и его кожа казалась почти такой же бледной, как моя. Он шагнул в камеру и запер за собой дверь, опустив ключ в карман.

— Ты хотела мне что-то сказать? — спросил он.

Я не осмеливалась заговорить. Мне не хотелось выдать голосом, как сильно я его ненавидела и столь же сильно по нему скучала.

Зак продолжил:

— Ты не хочешь, чтобы я объяснил, почему мне пришлось так поступить?

— Я знаю, почему ты так сделал.

Он издал короткий смешок.

— Я почти позабыл, как с тобой бывает тяжело разговаривать.

— Не думаю, что должна облегчать тебе эту задачу.

Он стал вышагивать по камере. Его голос оставался спокойным, и слова звучали в одном ритме с шагами.

— Ты всегда стремишься лишить меня всего, не так ли? Даже объяснения. Я знал, что хотел тебе сказать. Я готовился. Но вот ты здесь, такая же, как всегда, заявляешь, что знаешь всё наперед.

— Я стремлюсь тебя всего лишить? — повторила я. — Да у тебя есть всё. Ты остался в деревне. У тебя была мама.

Мой голос дрогнул.

— Но слишком поздно, — он остановился. — Алиса убила папу. И ты успела отравить всё вокруг. Ты будто меня отравляла все эти годы, пока мы оставались не разделенными. Другие так и не приняли меня до конца. У меня могла быть жизнь, которую я хотел, так должно было случиться, но ты всё разрушила.

Он поднял руки, растопырив пальцы.

— У меня ничего не было, — вымолвила я. — Бывали дни, когда в поселении все голодали. Но ты у меня отнял и эту жизнь. Запер меня здесь и все еще думаешь, что тебе тяжело?

— У меня нет выбора, Касс.

— Почему ты пытаешься меня убедить? Хочешь, чтобы я тебя оправдала? Чтобы сказала, что понимаю тебя?

— Ты сказала, что понимаешь.

— Я сказала, что знаю, почему ты так сделал. Знаю твои резоны. Ты теперь — важная шишка в Совете. И врагов у тебя сейчас полно. Ты боишься, что они смогут добраться до тебя

через меня. Но это не дает тебе права запираить меня здесь.

— А что бы ты сделала?

— С каких пор тебя волнует мое мнение?

Он вышел из себя.

— Всё всегда зависело от тебя. У меня не было настоящей жизни, только сплошное ожидание — она не могла начаться, пока ты не ушла.

— Это и была жизнь. — Я часто думала о тех годах, что мы провели вместе, вдвоем, отвергнутые всей деревней. — Просто тебе хотелось другой.

— Нет. Не другой, а моей. Моей! А ты сделала ее невозможной. И сейчас я на пути к достижению чего-то действительно важного. И я не могу позволить тебе встать на моем пути.

— Поэтому ты разрушил мою жизнь, чтобы защитить свою?

— Существует только одна жизнь между нами — вот что ты никак не хочешь понять. Ты всегда вела себя так, будто мы оба можем иметь то, что хотим. Но мир устроен совсем иначе.

— Тогда измени его. Ты сказал, что хочешь быть большим и важным человеком и менять мир. А тебе не приходило в голову, что мы меняли мир каждый день, пока нас не разделили?

Он затих. Немного погодя подошел и пристроился рядом. Вздохнув, откинулся назад. Как и я, подтянул колени вверх. Его ноги были намного выше моих. Волоски на руках стали темнее и гуще. Раньше они выгорали на солнце.

Внешне мы сильно изменились с тех пор, как виделись в последний раз, но оба неосознанно приняли одинаковую позу: бок о бок, привалившись спинами к стене, так сидели детьми на моей кровати в деревне. Я прошептала ему совсем как раньше, когда наши родители спорили внизу:

— Тебе необязательно быть таким, Зак.

Он поднялся, вынув связку ключей из кармана.

— Я бы и не был таким, если б не ты. Если бы ты так всё не усложнила с самого начала.

Ожидая все эти месяцы, когда он придет в камеру, я тщательно обдумывала, что скажу ему, и обещала себе держаться спокойно. Но, как только Зак подошел к двери, мои нервы сдали. Мне снова предстояло остаться в одиночестве, запертой в камере. Я вдруг почувствовала, будто меня переполняет кровь, клокочет и бурлит, сотрясая всё тело в бешеном ритме. Я ринулась к нему и схватилась за ключи, которые он сжимал в руках. Зак был на полголовы выше меня и значительно сильнее, учитывая, что шесть лет в поселении я жила впроголодь, а последние несколько месяцев и вовсе провела в заточении. Он поймал меня за шею и держал на вытянутой руке почти без всяких усилий. Я понимала, что даже если вцеплюсь в него или пну, никакого толка от этого не будет. И если бы мне, скажем, удалось ударить его или сломать руку, я бы в равной степени ранила и себя. Но в моем понимании я боролась не с ним, а с глухими стенами камеры, с бетонным полом, с равнодушным течением времени, что медленно отсчитывало час за часом, пока мне приходилось здесь гнить. Я налегла на Зака всем весом, пока костяшки его пальцев не уперлись мне в челюсть. Он так и продолжал держать меня за горло, вытянув руку, и не уступил, даже когда я вонзила ногти ему в предплечье. Он наклонился вперед, и я слышала его шепот сквозь собственное неистовое дыхание.

— В каком-то смысле я должен быть тебе благодарен. Остальные в Совете могут лишь рассуждать о риске. Об угрозе заражения. Но они не жили с этим, как я. Они понятия не имеют, насколько вы можете быть опасными.

Я заметила, что меня трясет, только когда он отпустил свою руку. Тогда же увидела, что его тоже трясло. Мы еще долго стояли так, и пространство между нами, казалось, звенело от напряжения и частого, шумного дыхания, напоминавшего ночь перед летним штормом, когда воздух горит, цикады стрекочут и весь мир трепещет в ожидании.

— Пожалуйста, не поступай так со мной, Зак, — взмолилась я и сразу вспомнила, как когда-то мальчишкой он просил меня признаться, что я — Омега.

Так ли он чувствовал себя тогда?

Зак ничего не ответил, просто отвернулся. Когда он вышел и запер за собой дверь, я посмотрела на свои кулаки — они все еще дрожали, и увидела кровь под ногтями правой руки.

* * *

Исповедница взяла в привычку приносить с собой карту. Не утруждая себя предисловиями, она запирала за собой дверь и раскладывала карту на кровати. Затем устремляла взгляд на меня.

— Покажи, где находится Остров.

Иногда она обводила пальцем некоторые места.

— Мы знаем, что у западного или юго-западного побережья. Мы все ближе и обязательно их найдем.

— Тогда что вы от меня хотите?

— Твой брат не отличается особым терпением.

Я усмехнулась.

— И что вы сделаете? Будете пытаться меня? Угрожать смертью? Любую сильную боль будет чувствовать и Зак.

Исповедница подалась вперед.

— Думаешь, нет ничего хуже, чем то, что мы уже с тобой сделали? Ты понятия не имеешь, как тебе повезло. И это везение не закончится только в том случае, если ты будешь полезна для нас.

Она снова сунула мне карту. Ее настойчивый взгляд ощущался буквально физически. Он жег так же, как горело клеймо на моем лбу все прошедшие годы.

— Такой же полезной, как вы, работая на них? Дрессированный урод для хозяев Альф?

Она наклонилась вперед, очень медленно, пока ее лицо не приблизилось к моему так, что я смогла увидеть крошечные волоски на щеках, тонкие и бледные, как рыльца кукурузы. Ее ноздри чуть заметно раздувались. Она сделала глубокий медленный вдох, затем другой.

— А ты уверена, что это я у них в подчинении? — прошептала она.

Она еще глубже проникла в мой мозг. Как-то мы с Заком, еще детьми, приподняли большой и плоский камень и обнаружили под ним червей и белых, полупрозрачных личинок, вырванных из привычной темноты на беспощадный свет. Сейчас под взглядом Исповедницы я чувствовала себя, как те личинки. Казалось, она могла рассмотреть всю меня, насквозь, и даже потрогать. Сначала я испытала потрясение, но затем научилась закрывать свои мысли так же, как смыкаю веки или сжимаю пальцы в кулак. Научилась не впускать ее, чтобы сохранить частицу себя. Я знала, что мне нужно скрывать от нее Остров. Но также, пусть и по эгоистичным соображениям, мне не хотелось открывать ей некоторые личные

воспоминания, какими я особенно дорожила: осенний полдень. Мы с Заком учились писать во дворе за домом. Сидя на корточках, выводили неуклюжие буквы в пыли, а молодые петушки дрались вокруг нас. Зак написал мое имя, а я — его.

Долгие дни у реки. Пока другие дети в школе, мы бесцельно скитались по улице и находили порой настоящие сокровища. Потом делились находками друг с другом. Зак показал мне окаменелую улитку. А я принесла ему раскрытую устричную раковину, внутри такую же молочно-белую, как глаз слепого нищего Омеги, который встретился на дороге в Хейвен.

Память о бесчисленных ночах, когда мы переговаривались со своих кроватей и шепотом рассказывали друг другу истории, так же как днем обменивались сокровищами на берегу реки. Лежа в темноте, я слушала под приглушенный стук дождя по соломенной крыше историю Зака о том, как соседские быки чуть не напали на него, когда он решил сократить путь к колодцу, и ему пришлось влезть на дерево, чтобы его не затоптали. В свою очередь я рассказывала, как другие дети мастерили качели на ветке дуба в школьном дворе, а я наблюдала за ними из-за стены, которую нам никогда не разрешалось пересекать.

— У нас есть свои качели, — сказал он тогда.

Это правда, хотя их нельзя было назвать настоящими качелями. Просто мы нашли место, чуть выше по течению реки, где ивы спускались к самой воде. Ухватившись покрепче за ветви, можно было качаться над волнами. В жаркие дни мы даже соревновались, кто сможет качнуться дальше, и затем, ликуя, падали в реку.

Хранила я и более свежие воспоминания, уже из поселения. Вечера, когда сидела перед маленьким камином и читала книги Алисы с рецептами или сборники песен, представляя себе, как и она когда-то сидела на этом же месте и делала свои записи.

И совсем позднее: тепло монеты из маминой руки, когда она вложила ее в мою ладонь, пытаясь предупредить насчет Зака. Возможно, для дорогих воспоминаний и маловато — ведь это даже не прикосновение, а всего лишь согретая ее рукой монетка. Но это единственное, что у меня осталось в память о ней за последние несколько лет, и этот момент принадлежал только мне.

Теперь бесстрастный взгляд Исповедницы методично перебирал все мои сокровенные воспоминания, и они были для нее чем-то вроде беспорядка в ящике, где она рылась в надежде отыскать нечто ценное. Всякий раз продвигаясь дальше в глубины моего сознания, она оставляла в моей голове хаос, и приходилось заново собирать и аккуратно складывать дорогие сердцу моменты жизни. Затем Исповедница вставала и уходила, забирая карту с собой. Я знала, что должна радоваться тому, что сумела скрыть от нее Остров. Но пока я его прятала, оставляла уязвимым многое другое, и ей удавалось туда проникнуть. Она просто выхватывала мои воспоминания и обрывки прежней жизни, перетряхивала и отбрасывала в сторону. И хотя для нее это представлялось незначительным, она умудрялась запятнать всё, чего коснулась. После каждого посещения Исповедницы я чувствовала, что нетронутых воспоминаний у меня остается все меньше и меньше.

* * *

На следующий день пришел Зак. Его визиты теперь стали реже, а когда он приходил, то обычно избегал смотреть мне в глаза. Он почти не разговаривал, нервно теребил ключи и на

большинство вопросов отвечал лишь пожатием плеч.

Но по прошествии нескольких недель я опять слышала поворот ключа в замке, скрежет двери о пол, а затем входил он, мой брат, мой мучитель, и присаживался на край кровати. Я не знала, зачем он приходил, равно как и не понимала, почему всегда радовалась, заслышав в коридоре его шаги.

— Ты должна поговорить с ней, — произнес он. — Просто скажи ей, что ты видишь. Илипусти ее.

— В мой разум, ты имеешь в виду?

Он пожал плечами.

— В твоих устах это звучит слишком ужасно. В конце концов, вы же похожи.

Я покачала головой.

— Я не делаю того, чем занимается она. Не роюсь в умах других людей. И пусть она мой оставит в покое, черт побери — это единственное, что у меня здесь есть.

Я не знала, как описать ему, на что это похоже, когда она роется в голове. Какой потом чувствуешь себя оскверненной и уязвимой.

Он издал звук — полувздых, полусмешок.

— Я бы удивился тому, как долго ты ее не подпускаешь, если бы не знал о твоём упрямстве.

— В таком случае ты должен знать, что ничего не изменится. Я не буду тебе помогать.

— Тебе придется, Касс, — он наклонился ближе. На мгновение мне показалось, что Зак собирается взять меня за руку, как в тот день, когда умирал папа и он просил помочь.

Его зрачки вспыхнули и стали сокращаться, точно в неровном пульсе. Он придвинулся совсем близко, и я увидела, что нижняя губа искусана в кровь. Я вспомнила, что он кусал губу, когда родители спорили внизу или когда другие дети насмеялись над нами.

— Чего ты боишься? — прошептала я. — Тебя пугает Исповедница?

Он поднялся.

— Есть кое-что и похуже, чем эта камера, и мы можем сделать это с тобой. — Он хлопнул по стене, оставив отпечаток ладони на пыльном бетоне. — Как сделали с некоторыми другими Омегами, которые здесь содержатся. Тебе позволили жить вот так только потому, что ты — провидец.

Втянув голову в плечи, он провел руками по лицу и несколько раз вздохнул с закрытыми глазами.

— Я сказал ей, что ты можешь быть полезна.

— Так мне тебя благодарить? Вот за это? — я обвела камеру рукой. Стены казались мне тисками, сжавшими мою жизнь до нескольких ярдов замкнутого серого пространства. И мой разум тоже словно находился в клетке: закрытый и неясный. Сильнее всего угнетало мрачное равнодушие времени, оно продолжало свой непрерывный ход, тогда как я застряла в этой бесконечной полужизни с подносами и негаснущим тусклым светом.

— Ты не знаешь, как я забочусь о тебе. Всё, что ты ешь, — он указал на поднос, оставленный на полу, — сначала кто-то пробует первым. И воду в кувшине тоже.

— Я тронута твоей заботой, — съязвила я. — Но, помнится, пока я жила в поселении своей жизнью, мне и вовсе не приходилось тревожиться о том, что меня могут отравить.

— Своей жизнью? Не слишком-то ты стремилась к «своей жизни» все те годы, что пыталась претендовать на мою.

— Я ни на что не претендовала. Я просто не хотела, чтобы меня изгнали, так же как и

ты бы не хотел.

Повисло молчание.

— Если бы ты позволил мне хоть иногда ходить на прогулки в бастион, как в самом начале. Или общаться с кем-нибудь из других заключенных. Просто иметь возможность с кем-нибудь поговорить...

Он покачал головой.

— Ты знаешь, что не могу. Сама видела, что тогда случилось на прогулке. Тот сумасшедший мог напасть и на тебя. — В его взгляде промелькнуло нечто похожее на нежность. — Тебя здесь держат только из соображений безопасности.

— Если бы нам позволяли разговаривать друг с другом, этого бы не случилось. Он бы не сошел с ума. Зачем бы другим Омегам здесь причинять мне боль? Они в таком же положении, как и я. Почему мы не можем общаться?

— Из-за их близнецов Альф.

— Их близнецы — твои друзья в Совете.

— Ты так наивна, Касс. Они — люди, с которыми и на которых я работаю. Они мне — не друзья. Думаешь, кое-кто из них не желал бы подослать своего близнеца, чтобы прикончить тебя и заодно меня?

— И когда это закончится? По твоей логике, мы все должны проводить жизнь в закрытых камерах, Альфы и Омеги.

— Дело не только во мне, — сказал он. — Такое происходит постоянно: людьми манипулируют через тех, кто им близок. Так было и в Старой Эре. Чтобы прижать кого-нибудь к ногтю, похищали супруга, ребенка, любовника. Вся разница только в том, что сейчас воздействие стало прямым. Раньше тебе приходилось прикрывать только свою спину, а теперь — две спины. Вот в чем дело.

— Дело в том, что вы считаете своих близнецов помехой и обузой. Ты — параноик.

— А ты — чересчур наивная и даже не пытаешься взглянуть на мир трезво.

— Поэтому ты сюда спускаешься? — спросила я, когда он встал и направился к двери. — Потому что никому не доверяешь там, наверху, в твоём Совете?

— Я мог бы доверять тебе, — ответил он, закрывая за собой дверь.

Я услышала, как в замке повернулся ключ.

* * *

Я подсчитала, что, должно быть, прошел уже год с тех пор, как в последний раз видела небо. Искусственный свет камеры изменил даже мои сны и видения, что случались наяву.

Когда я впервые стала видеть Остров, то усомнилась, видения ли это или же мои фантазии, вызванные желанием убежать от действительности, забыть хоть ненадолго ужас заточения. Затем меня стали одолевать новые и мрачные видения. Какое-то время я считала их болезненными грезами, рожденными истосковавшимся по воле разумом, точно кошмар моего пребывания здесь просочился и в сны. Чем больше становилось нацарапанных на стене меток, каждая — день, проведенный в камере, тем сильнее я начинала сомневаться в собственном рассудке. Однако видения были слишком настойчивыми и совершенно чуждыми для простой выдумки. И детали представляли так ярко, что я окончательно убедилась в том, что не могла придумать их сама. Мне виделись стеклянные резервуары,

настолько реалистичные, что я различала пыль на резиновых пломбах у их основания. Над ними шли провода и крепились панели, каждая из которых мерцала крошечными огоньками — красными или зелеными. Из каждого резервуара выходили резиновые трубки телесного цвета. Как я могла такое придумать, если даже не понимала, что это? Всё, в чём я была уверена, что это нечто запрещенное, как и стеклянный шарик, излучающий свет в моей камере. Трубки и провода, которые вились вокруг резервуаров, соответствовали историям о Старой Эре и всей её электрической алхимии. И огоньки на панелях казались такой же неестественной искрой света, как в моей камере. Они светили ровно, не выделяя тепла. Несомненно, это была машина. Но что за машина? Для чего? Это озадачивало, ужасало и изумляло гораздо больше, чем шепотки о том, что творилось во времена Старой Эры, и я не могла не поверить. Клубок проводов и трубок выглядел беспорядочным, точно всё это смастерили наскоро. Но при этом сама машина с ее огнями, резервуарам, соединениями выглядела такой огромной и сложной, что впечатляла и внушала дрожь.

Сначала мне являлись видения только с резервуарами. Затем в этих резервуарах я увидела тела людей, плавающих в жидкости, столь вязкой, что все движения казались замедленными и вялыми, даже колыхания волос. У каждого изо рта свисала трубка. Но больше всего ужасали глаза. У большинства глаза были закрыты, остальные же поражали абсолютно пустым и безжизненным взглядом. Их нельзя назвать людьми — скорее, останками людей. Мне вспомнились слова Зака, когда я жаловалась на свою участь: «Есть кое-что и похуже, чем эта камера, и мы можем сделать это с тобой».

Особенно остро я чувствовала резервуары, когда приходил Зак, хотя теперь его посещения стали совсем редки. Но эти образы окружали его так же неотвязно, как запах. Когда я слышала поворот ключа в замке, то передо мной всплывали лица с закрытыми глазами и с трубкой во рту, и после его ухода они витали вокруг меня и не рассеивались еще несколько часов. Все они были Омегами, навечно заключенными в стеклянных чанах. Шли месяцы, и хотя Зак навещался всё реже, мои видения с резервуарами стали почти постоянными. Они отнюдь не выглядели абстрактными, наоборот, стали не только реальными, но и совсем близкими. Я почти физически ощущала их присутствие, возможно, всего в сотне футов отсюда. Чувствовала их настойчивое притяжение так, что, казалось, нашла бы к ним дорогу безошибочно. Помещение с резервуарами точно превратилось для меня в ориентир, такой же, как когда-то, в долине моего детства, была река. Вторым ориентиром моей воображаемой карты крепости являлась сама камера. А глубоко под нами текла река. Я чувствовала ее непрерывное течение, которое дразнило меня, застрывшую здесь в неволе.

* * *

Однажды Исповедница открыла дверь, но в камеру войти не стала.

— Вставай, — велела она, придерживая распахнутую дверь.

Я не покидала камеру больше года. Подумалось даже, уж не собралась ли она меня пытать. Последние месяцы меня иногда пронзал страх — боялась, что схожу с ума. Мне не верилось даже в маленький отрезок коридора, видневшийся в открытую дверь. Глаза настолько привыкли к тесной камере, что бетонный коридор казался сейчас таким же невероятным, как горная тропинка в лучах солнца.

— Поторопись. Я собираюсь тебе кое-что показать. Времени у нас совсем немного.

Даже в сопровождении трех вооруженных солдат и Исповедницы, смотревшей на меня с нетерпением, я не могла скрыть свое возбуждение, когда шагнула за дверь.

Она отказывалась говорить, куда меня повели, как отказывалась вообще отвечать на любые мои вопросы. Она быстро шла на несколько шагов впереди, а солдаты замыкали наше шествие. Как выяснилось, идти предстояло недалеко. Мы прошли до конца коридора, минуя запирающуюся дверь, затем спустились на один лестничный пролет и оказались в другом коридоре с еще целым рядом дверей, таких же, как в моей камере: серая сталь, узкая щель у пола для подноса с едой, окошко для наблюдения, открывающееся только снаружи.

— Мы идем не на улицу? — спросила я, взглянув на двери.

— Это не прогулка и не пикник, — произнесла она. — Это то, что тебе нужно увидеть.

Она подошла к третьей двери и открыла смотровое окошко. Как и в моей камере, здесь оно открывалось не часто, и заслонка отодвинулась туго, со ржавым скрипом. Исповедница отступила на шаг.

— Давай, — она кивнула в сторону окошка.

Я подошла к двери и наклонилась поближе. В камере было темно, свет единственной электрической лампочки казался тусклым по сравнению с коридором, освещаемым множеством ламп. Но затем глаза привыкли к полумраку. Камера выглядела в точности как моя. Та же узкая койка, те же серые стены.

— Посмотри повнимательней, — сказала Исповедница, и ее теплое дыхание овеяло мое ухо.

И я увидела мужчину. Он стоял, прислонившись к стене, в самом темном углу камеры, и настороженно смотрел на дверь.

— Ты кто? — спросил он, шагнув вперед и прищурившись, чтобы лучше видеть. Его голос казался таким же скрипучим, как заржавевшая заслонка смотрового окошка.

— Не разговаривай с ним, — приказала Исповедница. — Просто смотри.

— Ты кто? — спросил он еще раз, теперь громче.

На вид он был лет на десять старше меня. Я не встречала его, когда мы выходили в бастион на прогулки, но длинная борода и бледная кожа мужчины говорили о том, что сидит он здесь давно.

— Я — Касс, — назвалась я.

— Нет смысла разговаривать с ним, — сказала Исповедница. В ее голосе слышалась скука. — Просто смотри. Это вот-вот произойдет. Я уже несколько дней предчувствовала, что это случится.

Мужчина подошел еще ближе и остановился всего в шаге от двери, так близко, что я могла бы дотянуться до него через маленькое окошко. У него не было одной руки. Клеймо виднелось сквозь спутанные волосы.

— Там еще есть кто-то с тобой? — спросил он. — Я не видел никого уже несколько месяцев. С тех пор, как они привели меня сюда.

Он сделал еще шаг и поднял руку, а затем согнулся. Это произошло совершенно внезапно, будто его ноги подкосились, как оседает песчаная дамба в сильный дождь. Рука прижалась к животу, тело дважды вздрогнуло. Он приоткрыл рот, но не издал ни звука, лишь выпустил струю крови, которая в тусклом свете казалась черной. Больше он не шевелился. Я не могла вымолвить ни слова, только отпрянула от двери, когда он упал. Прежде чем я успела опомниться, Исповедница схватила меня за руку и повернула лицом к себе.

— Видишь? Думаешь, ты тут в безопасности? — она снова подтолкнула меня к двери, и холодная сталь коснулась голых рук. — Сестра этого человека считала, что ей ничего не угрожает, потому что она заперла его здесь. Но даже Камеры Сохранения не смогли защитить её от многочисленных врагов. До него они добраться не смогли, поэтому напали на нее напрямую. И, как видишь, им это удалось.

Я уже это знала и была потрясена смертью мужчины вдвойне. В тот момент, когда мужчина упал, я увидела темноволосую женщину с аккуратно уложенной прической. Она лежала на кровати, на животе, а из спины торчал нож.

— Это сделал Зак?

Она небрежно качнула головой.

— На этот раз — нет. Да это и неважно. Ты должна осознать, что даже он не сможет тебя защитить в случае чего. В данный момент он, конечно, в фаворе, но его планы слишком амбициозны. Если Совет изменит к нему отношение, то они найдут способ добраться до одного из вас.

Она склонилась ко мне так близко, что я смогла разглядеть каждую ресничку и вену, пульсирующую на лбу слева от клейма. Я сомкнула веки, но среди темноты тотчас всплыл образ человека, лежащего на полу рядом со стружкой крови, стекающей изо рта. У меня перехватило дыхание. Исповедница заговорила очень медленно:

— Ты должна начать помогать Заку и мне. Если он потерпит неудачу, если другие Советники изменят к нему отношение, они обязательно доберутся до одного из вас.

— Я не буду помогать ему, — отрезала я, вспомнив помещения с резервуарами и то, что Зак сделал с теми людьми. Но те ужасы казались сейчас далекими по сравнению с окровавленным телом на полу, в двух шагах, и жестким лицом Исповедницы в нескольких дюймах от моего лица.

— Не могу, мне нечего сказать.

Я не знала, как долго смогу сдерживать при ней слезы, но внезапно она отвернулась.

— Отведите ее обратно в камеру, — бросила Исповедница солдатам, не поворачивая головы, и пошла прочь.

* * *

Теперь вся моя жизнь состояла лишь из серых стен камеры, пола, потолка и двери, с беспощадностью отрезавшей меня от остального мира, который я старалась представить, рисуя в уме, как утреннее солнце отбрасывает длинные тени по стерне свежесрезанной пшеницы, как бескрайнее ночное небо опускается над рекой. Но эти картины жили лишь в моем воображении. Всё это казалось навсегда потерянным для меня так же, как запах дождя, или прохлада речного песка под ногами, или звонкий щебет птиц, встречающих рассвет. Живой мир для меня стал гораздо дальше и призрачнее, чем мрачные видения зала с резервуарами и плавающими среди трубок телами, пугающе безмолвными и безвольными. Видения Острова тоже стали редки. Проблески открытого моря больше не проникали в камеру. Линия меток моих дней в заключении поднималась всё выше и выше, пока я не увидела, что камера полностью ими испещрена, словно бы она постепенно наполнялась водой и теперь я едва могла дышать под тяжестью потерянных недель, месяцев и теперь уже лет. Не так ли начинается сумасшествие, думала я, что так часто случается с провидцами?

Если этому суждено произойти, годы в заточении лишь ускорят процесс. Я слышала, что отец называл безумцем провидца с рынка в Хэйвене. Теперь мне стало понятно, что он говорил не иносказательно, а буквально. Попытки Исповедницы проникнуть в мое сознание, как и видения резервуаров, так отнимали все силы и волю, что ни о чем другом я и думать не могла, и меньше всего — о себе.

Зак теперь приходил крайне редко, иногда раз в несколько месяцев. Когда же он появлялся, я едва с ним разговаривала. Хотя отметила, как сильно изменилось его лицо за годы моего заточения. Он исхудал так, что только губы сохранили мягкость. Мне хотелось знать, изменилась ли и я за это время, и если — да, то заметил ли он перемены?

— Ты знаешь, так продолжаться больше не может, — произнес он.

Я кивнула, ощущая себя словно под водой — столь далекими и приглушенными слышались его слова. Тесные стены моей камеры и низкий потолок дружно производили эхо, раздваивая шорохи так, что каждый звук слегка колебался. Сейчас эхо казалось лишь частью общей расплывчатой картины — всё точно ускользало из фокуса.

— Если бы все зависело от меня, — продолжал он, — я бы держал тебя здесь. Но я кое-что начал и должен закончить. Я думал, что, возможно, смогу уберечь тебя от этого, если ты окажешься полезной. Но ты не даешь ей ничего.

Ему необязательно было уточнять, кому это — «ей».

— Она не желает больше с этим мириться, — он говорил так тихо, что я едва разбирала слова, будто ему самому неважно слышать признание собственного страха. Он наклонился совсем близко.

— Если бы зависело от меня, я бы держал тебя здесь, — повторил он громче.

Не знаю, почему для него имело такое значение убедить меня в этом. Я отвернулась к стене.

* * *

Сначала я не понимала, почему видения пустого резервуара так тревожат меня. Я видела эти резервуары уже три года. Они всегда вызывали отвращение, но стали чем-то знакомым. Я уже не вздрагивала от потрясения, видя их во сне. Я привыкла к ним так же, как привыкла к клейму на лице. Почему же, увидев пустой резервуар, я просыпалась на сбитых и мокрых от пота простынях? Если резервуар пустой, то он должен казаться менее ужасным, чем кем-то занятый, как снилось мне обычно. Он просто стоял, и стеклянная утроба ждала, когда ее заполнят. Четыре ночи подряд я видела один и тот же тускло освещенный резервуар с проводами и трубками, собранными над ним в пучок. Всё как прежде. И изгиб стекла был как будто тот же и, вместе с тем, совсем другой.

На этот раз стекло виделось не в стороне, а вокруг меня. Я ощущала во рту резиновую трубку, вторгнувшуюся в мою трахею. Чувствовала боль в углу рта, где трубка свисала, надрывая кожу. Я не могла закрыть рот, не могла выплюнуть отвратительно сладкую воду, заполнявшую резервуар. Веки тоже не смыкались. Сквозь вязкую жидкость всё виделось расплывчатым, кольшущимся и нечетким, как в один из летних дней, когда от удушающей жары над полем плавился воздух. Проснувшись, я кричала так, что горло начинало саднить, а голос не выдерживал и срывался, затихая. Я выкрикивала имя Зака, пока его короткое имя не сливалось в неузнаваемый звук.

Еще в первые недели в Камерах Сохранения я поняла, что кричать бессмысленно, никто не подойдет к двери камеры, но все равно кричала. Все шесть последующих ночей я снова оказывалась в резервуаре, наполненном жидкостью, которая полностью завладевала моим телом и смыкалась над головой. Горло и запястья опутывали трубки. Я не могла пошевелиться. Каждую ночь, пока не просыпалась от собственного крика, я беспомощно плавала с трубкой в горле, точно рыба на крючке. Я не могла есть. Каждая попытка проглотить хоть кусочек тотчас напоминала о трубке, свисающей изо рта, и пища буквально застревала в горле, а тело сотрясало от неудержимой рвоты. Что я только не делала, чтобы не спать, ведь именно во сне жуткие видения приходили чаще всего. Ночью я ходила по камере взад-вперед, считая шаги, пока не сбивалась. Щипала себя за руки и выдирала волосы на каждой цифре, и вовсе не для того, чтобы взбодриться, а потому что надеялась, что боль поможет задержать сознание в реальности и не впустит в мои видения чувство, будто я нахожусь в резервуаре. Но ничего не помогало. Ни тело, ни разум не подчинялись мне. Само время шло скачками и обрывками. Иной раз часы пролетали незаметно. А порой, я могла поклясться, время вовсе останавливалось и простой вздох длился целую вечность. Я всё чаще вспоминала безумного провидца из Хейвена и выжившего из ума Омегу на прогулке в бастионе. Так это и происходит, думала я, когда разум оставляет тебя. В конце концов, на подносе с едой я нацарапала тупой ложкой записку: «Зак, это срочно — важное видение. Скажу только тебе в обмен на десять минут прогулки во дворе».

Он прислал Исповедницу, как я и предполагала. Та по привычке уселась на стул, спиной к двери. Минувшие дни не прошли бесследно, и я наверняка выглядела измученной и растрепанной, но Исповедница ничего по этому поводу не сказала. Я подумала, заметила ли она мое состояние или ей, как провидцу, не нужны внешние наблюдения.

— Обычно ты не горела желанием поделиться своими видениями. Даже наоборот. И это пробудило в нас любопытство.

— Если Заку так любопытно, пусть придет сам. Вам я ничего не скажу.

Я знала, что это будет самой сложной частью. Я снова чувствовала, как Исповедница пыталась проникнуть в мой разум. Это напоминало то, как мама вскрывала раковины речных мидий. Она обводила шов, пробуя ножом слабое место, которое и откроет раковину.

— Можешь закрывать глаза, это меня не остановит, ты же знаешь.

Я даже не заметила, что сомкнула веки, пока Исповедница не сказала об этом. Тогда я осознала, что стиснула и зубы. Усилием воли я взглянула прямо на нее.

— Вы ничего не добьетесь.

— Не исключено. Может, у тебя стало лучше получаться прятать свои мысли. А может, у тебя ничего и нет. Никаких особенных видений, ничего полезного для нас.

— О, так это ловушка? Что же я собираюсь сделать? Слезть со стены вниз по веревке, сплетенной из простыней? Ну, продолжайте.

Я замолчала — слишком тяжело одновременно говорить и закрывать разум от Исповедницы.

— Я просто хочу увидеть небо. И если собираюсь рассказать вам о том, что знаю, почему не могу предложить за это сделку?

— Это не сделка, если тебе нечего предложить нам.

— Это насчет Острова, — выпалила я.

Прежде я надеялась даже не упоминать о нем, но от страха перед резервуаром меня охватило отчаяние.

— Понимаю. Остров, который якобы не существует, как ты утверждала последние четыре года.

Я молча кивнула. Хотя выражение лица Исповедницы не изменилось, я почувствовала, какими жадными и нетерпеливыми стали попытки ворваться в мои мысли, точно руки нежеланного поклонника. Я сконцентрировалась сильнее чем когда-либо, чтобы открыть ей лишь малую толику и не дать полного доступа. Я хотела показать лишь проблеск, даже часть проблеска, чтобы подтвердить ценность моих видений, не открывая больше ничего, что могло бы стать губительным для Острова и для моих собственных планов. Я сосредоточилась на единственном образе, точно узенький лучик света, что скользит между занавесками на кухне, освещая полосу на противоположной стене. Только город на Острове, всего одну из его оживленных улиц, уходящих резко вверх. Очень близко, чтобы нельзя было опознать особенности ландшафта. Просто город. Его рынок и дома, теснящиеся на склоне. Просто город. Я услышала вздох Исповедницы.

— Хватит, — сказала я. — Передайте Заку, что он должен прийти, и тогда я расскажу ему всё.

Но она не желала останавливаться и продолжала рыться в моей голове почти с бешенством. Однажды, еще в поселении, я проснулась от того, что ворон угодил в щель в соломенной крыше моего дома и попал в спальню. Он неистово метался от стены к стене, роняя перья, пока, наконец, не вылетел в открытое окно. Сейчас Исповедница пыталась ухватить еще хоть что-нибудь с той же злостью и иступлением. Я молчала. Затем впервые попыталась повторить то, что делала она. Я представила руки матери над раковиной мидии и попыталась превратить свой разум в лезвие ножа. Вообще-то мне это всегда претило: видения заставляли страдать и никакой пользы не приносили. Насильственное вторжение, которому подвергался мой разум во время встреч с Исповедницей, еще больше отвратило меня от желания использовать свои способности подобным образом. Поэтому я крайне удивилась, насколько легко получилось проникнуть в ее мысли, будто отдернула занавеску. Передо мной предстали лишь фрагменты, как во сне, но этого было достаточно. Я увидела совершенно незнакомое место. Огромное круглое помещение. Резервуаров здесь не оказалось, одни провода — такие же, как в моих видениях, только разветвленные, и их неизмеримо больше. Они обвивали круглые стены, заставленные металлическими коробками. Я почувствовала, как Исповедница отшатнулась. Затем поднялась так стремительно, что стул откинулся назад. Она склонилась надо мной.

— Не пытайся играть со мной в мои же игры.

Я встретила ее взгляд и попыталась спрятать дрожащие руки.

— Отправьте ко мне моего брата.

* * *

Когда Зак наконец пришел в середине следующего дня и увидел, в каком я состоянии, он поразился.

— Ты заболела? С тобой что-нибудь сделали? — Он подбежал ко мне, взял под локоть и усадил на стул. — Как они это сделали? Никто сюда не должен входить, кроме Исповедницы.

— Никто и не входил. Всё дело в этом месте, — я обвела рукой камеру. — Ты же не мог всерьез считать, что я тут буду цвести здоровьем и радоваться жизни. В любом случае, ты и

сам выглядишь неважно.

Я и правда не могла привыкнуть к облику Зака — его лицо заострилось от проступивших костей, а под глазами пролегли темные круги.

— Возможно, потому что я почти всю ночь не спал, пытаюсь разгадать, что за игру ты затеяла.

— Почему всё должно быть так сложно? Мне просто нужно выйти на воздух, Зак. Хотя бы на несколько минут. Я схожу здесь с ума.

И это вовсе не было уловкой, хотя я и не поведала Заку о настоящей причине своего страха. Я на самом деле едва держалась на пределе выносливости, о чем красноречиво свидетельствовал мой измученный вид.

— Это слишком опасно, сама знаешь. Ты ведь понимаешь, что я держу тебя здесь не ради забавы.

Я покачала головой.

— А ты просто подумай, как опасно будет, если я сойду с ума. Я смогу сотворить что угодно.

Он только рассмеялся.

— Поверь, ты не в том положении, чтобы угрожать мне.

— А я и не угрожаю, лишь предлагаю тебе кое-что. И это может действительно тебе помочь.

— И с каких пор ты захотела помогать мне?

— С таких, когда поняла, что схожу с ума. Мне это нужно. Всего десять минут на воздухе. Увидеть небо. Не так уж много я и прошу, особенно если учесть то, что могу рассказать тебе.

Он покачал головой.

— Я поверю тебе, если ты сперва скажешь что-нибудь полезное. Исповедница говорит, что во время ваших встреч ты сидишь, как восковая кукла. Ты всегда утверждала, что Остров не существует, а теперь говоришь, что знаешь что-то ценное о нем. Так почему я должен тебе сейчас поверить?

Я вздохнула.

— Прекрасно. Я солгала ей насчет Острова.

Он встал и быстро направился к двери. Я бросила ему в спину:

— Я знала, что это приведет тебя сюда. Но я не врала, что у меня есть полезные сведения для тебя. Ей я не могла этого сказать.

— Почему? Это ее работа — собирать информацию.

— Потому что это касается ее.

Он замер, все еще держа одну руку на двери, во второй — сжимал здоровенную связку ключей, которую всегда носил с собой.

— Вот почему это можно сказать только тебе. Это насчет нее. Насчет того, что она собирается с тобой сделать.

— Думаешь, я поверю в это дерьмо, — выругнулся он. — Она здесь — единственная, кому могу доверять. И уж побольше, чем тебе.

Я пожала плечами.

— Ты и не обязан верить. Я просто скажу, что знаю, а верить или нет — решать тебе.

С минуту он смотрел на меня. Я наблюдала, как он повернулся, вставил ключ, открыл дверь. И все еще молчал. Наконец шагнул в коридор, оставив дверь открытой.

— Десять минут, — бросил он, не оборачиваясь, уходя по коридору. — Затем мы вернемся сюда, и ты расскажешь мне всё.

Позже я пыталась вспомнить тот момент, когда вышла из камеры, но не смогла. Я просто слепо шла за Заком по длинному коридору мимо других запертых дверей, а затем поднималась по лестнице. Только взойдя на самый верх лестницы, освещенной тремя высокими окнами, я поняла, какой немыслимо огромной была крепость. Я прищурилась и заслонила глаза от яркого света, глядя с изумлением в окно. Туман, окутывавший мой разум последние несколько недель, рассеялся, и мысли стали яснее, впервые за много месяцев.

Казалось, крепость над камерами давила на меня всей своей тяжестью. И пока мы поднимались из глубины наверх, я точно освобождалась от бремени. Не обращая на меня внимания, Зак прошел вдоль длинного коридора, открыл большую дверь, затем остановился.

— Не знаю, может, ты настолько глупа, что попробуешь выкинуть какой-нибудь фортель, но лучше и не пытайся.

Я старалась не замечать солнечный свет и поток свежего воздуха, льющийся через приоткрытую дверь, и сосредоточиться на его словах.

— Ты знаешь, что меня тебе не одолеть. Другие двери, ведущие на бастион, заперты. И держись рядом со мной.

Толкнув, он распахнул дверь. Яркий свет резанул глаза, но свежий воздух был таким пьянящим! Я глубоко вдохнула и шагнула наружу. Длинный и узкий бастион ничуть не изменился за минувшие четыре года. Он представлял собой террасу длиной футов в шестьдесят, выступающую из отвесной стены крепости, примерно на середине ее высоты. Зубцы перед нами венчали стену, за ней — пропасть. Сзади высилась крепостная стена, врезанная прямо в отвесный склон горы. Я слышала, как мой брат сразу запер за нами дверь. Кроме этой двери в разных концах бастиона располагались еще две такие же, массивные, деревянные, обитые крест-накрест железными перекладинами.

Несколько минут я просто стояла, откинув голову назад и подставив лицо солнцу. Когда я подошла к зубчатой стене, Зак преградил мне путь. Я засмеялась.

— Расслабься. Ты не можешь винить меня за то, что хочу взглянуть на мир. Ведь последние четыре года я видела только камеру.

Он коротко кивнул, но встал рядом со мной, когда я подошла к зубчатой стене, высотой по пояс, и перегнулась через край, глядя на город внизу.

— Я не видела этот город как следует, — сказала я. — Они привезли меня ночью из поселения, надев на голову мешок. А когда мы ходили на прогулки, то нам никогда не позволяли подходить к краю.

С такой высоты Виндхэм казался нагромождением домов, разбросанных по склону. Слишком беспорядочный, чтобы выглядеть красивым, но размер его впечатлял. Город словно карабкался по скале, забираясь так высоко, что почти достигал крепости, а внизу расходился в стороны по равнине, где дороги пропадали из виду за холмами и размытой линией горизонта. Река текла с юга, обвивала город и исчезала в глубоком ущелье скалы. Даже с такой высоты я различала движение: тележки на дорогах, вывешенное из окон постиранное белье, хлопающее на ветру. Поразило, что вокруг так много людей, совсем близко, тогда как я сидела в полном одиночестве столько дней и ночей, неотличимых друг от друга.

Зак отвернулся от города. И я следом за ним. Мы стояли рядом, прислонясь спиной к стене, а по обе стороны от нас возвышались зубцы высотой по голову.

— Ты говорил, что не доверяешь здесь никому, кроме Исповедницы.

Он не ответил, только опустил глаза, глядя на свои руки.

— Так зачем ты выбрал такую жизнь? — спросила я. — Мне отсюда не уйти. Но ты-то можешь! Ты можешь просто уйти.

— Это что, было частью сделки? Поговорить по душам? Потому что на это я не соглашался. — Он снова повернулся и посмотрел на Виндхэм. — В любом случае, всё не так просто. Есть вещи, которые я должен сделать.

В солнечном свете кости на его лице выступали еще отчетливее. До чего же он изможден!

— Я кое-что начал здесь. Это мой проект. И мне нужно его закончить. В общем, всё сложно.

— Так не должно быть.

— Ты всегда была идеалисткой. Для тебя всегда всё просто, — его голос звучал устало, и такими же усталыми казались его глаза.

— Это и для тебя могло бы стать простым. Ты мог бы уйти отсюда, вернуться в деревню, работать на земле с мамой.

Он еще не повернулся, но я уже знала, что сказала совсем не то, что нужно.

— Работать на земле? — зашипел он. — Ты имеешь хоть малейшее представление, кто я сейчас? Чего достиг? И эта деревня — самое последнее место, куда бы я поехал. Даже после того, как нас разделили, ко мне никогда не относились, как к Альфе. Я думал, что станет лучше, но не стало.

Он ткнул в меня пальцем.

— Это всё твоих рук дело, все те годы ты увиливала от разделения. Я никогда туда не вернусь. — Он отошел на несколько шагов и встал на середине пути между мной и дверью.

Я оперлась обеими руками в стену за спиной, оттолкнулась и, запрыгнув, уселась на край, затем подтянула ноги и встала. Я двигалась так стремительно, что едва не упала вниз со стены, однако успела обхватить зубцы по обеим сторонам и удержалась.

Зак бросился ко мне, но заколебался, когда увидел, как близко я стою к самому краю. Он поднял обе руки перед собой, совсем беспомощный, точно кукла.

— Это безумие! Слезь сейчас же! Это просто безумие, — его голос звучал высоко и пронзительно.

Я покачала головой.

— Еще одно слово — и я прыгну. Позовешь солдат — и я прыгну.

Он вздохнул, прижал палец к губам. Уж не знаю, кого он пытался утихомирить — себя или меня.

— Хорошо, — пробормотал он. — Хорошо.

И снова не понять, кого он успокаивал.

— Ладно. Но ты бы этого не сделала. Ты бы не выжила.

— Знаю. И не притворяйся, что тебя волнует моя жизнь.

— Прекрасно. Справедливо. Но ты бы не смогла поступить так со мной. Ты бы так не сделала.

— Ты уже однажды сыграл на моих чувствах, когда нас разделили. Тогда я тебя пощадила. Больше этого не повторится.

Он сделал шаг ко мне, и я отступила ближе к краю. Сейчас только пальцы ног стояли на стене, а пятки уже дрожали над пропастью.

— Я сделаю это, будь уверен. Мне незачем вести такую жизнь и дальше, в этой камере.

— Я тебя выпущу, ты же сейчас не в камере, ведь так?

Я отважилась бросить взгляд через плечо, затем быстро повернулась в надежде, что мои глаза не слишком выдавали страх.

— Вот что сейчас произойдет.

Камни зубцов под ладонями были теплыми и шершавыми. Подумалось, вдруг эта шероховатость — последнее, что я чувствую.

— Иди назад, до самой двери.

Он кивнул и медленно попятился к двери, не опуская рук и продолжая кивать.

Правой рукой я все еще держалась за каменный зубец, левой — подняла рубашку и свитер. Под одеждой оказалась самодельная веревка, которую я обмотала вокруг талии на рассвете. Я улыбнулась, вспомнив собственные слова, сказанные Исповеднице накануне. Весь день сплетенная из простыни веревка врезалась в мой живот, но я не решалась ослабить ее, переживая, как бы ее не заметили под одеждой. Теперь осталось размотать веревку, и эта задача оказалась не из простых. Сначала я пыталась держаться одной рукой за камень, но это было слишком трудно. Размотанные петли падали вокруг моих ног, и я боялась запутаться в них. В конце концов я стала работать обеими руками. Пришлось немного отступить от края, но пятки, примерно на дюйм, свисали с кирпичной стены. При этом я не сводила глаз с Зака. Белая веревка медленно разматывалась, спускаясь сзади по наружной стене.

Трудно сказать, заметила ли я его напряжение или же почувствовала, но прежде, чем он решился на стремительный бросок, подняла руку.

— Подбежишь ко мне — спрыгну, и нам обоим конец. Или же мы оба перевернемся через край. Что, собственно, одно и то же.

Он остановился, обрывисто и тяжело дыша.

— Ты бы серьезно это сделала.

Его слова прозвучали как утверждение, а не как вопрос. По крайней мере, это освободило меня от ответа, которого я и сама не знала. Я только взглянула на него, и он снова отступил к дальней стене. Веревка уже размоталась до конца. В основании зубец был слишком широким, чтобы я смогла затянуть веревку вокруг него, но к верхушке он сужался до толщины одного кирпича. Мне пришлось повернуться боком, чтобы накинуть петлю. Не стоило и Зака выпускать из поля зрения, поэтому, пока я крепила веревку наверху зубца, следила за ним, прижавшись щекой к камням. Неуклюже обняв широкий зубец, я передала веревку из одной руки в другую. Затем неохотно отпустила камень.

— Ты, должно быть, сошла с ума, — нервничал Зак. — Эта веревка ни за что тебя не выдержит. Ты упадешь и убьешь нас обоих. И даже если ты спустишься живой, по периметру везде ходят солдаты. Это бессмысленно.

Я посмотрела на веревку. Он прав: чтоб сплести из простыни хоть сколько-нибудь длинную веревку, мне пришлось изорвать ее на полосы всего в два пальца шириной. Узлы выглядели ненадежно, даже для меня. Хоть эти дни я и потеряла в весе, но веревка совсем не внушала доверия. И что самое главное, хоть Зак этого и не видел — веревка оказалась коротка, от ее потрепанного конца до каменной террасы внизу оставалось еще около двадцати футов.

— Слушай меня внимательно, — велела я ему. — Сейчас ты выйдешь за дверь. И запрешь ее за собой. Если услышу, что зовешь охрану, я спрыгну. Если услышу, что

открываешь дверь, спрыгну. Ты будешь стоять за дверью и считать до ста, но даже не думай о том, чтобы открыть ее или издать хоть звук раньше, чем досчитаешь. Понял?

Он склонил голову.

— Ты изменилась, — обронил он тихо.

— Четыре года в тюрьме кого хочешь изменят. — Я подумала, не в последний ли раз мы видимся. — Знаешь, ты тоже мог бы измениться.

— Нет, — отрезал он.

— Это твой выбор, — сказала я. — Запомни это. А теперь запри дверь.

Стоя лицом ко мне, он нащупал рукой за спиной стену, затем — ручку двери. На миг ему пришлось отвернуться, чтобы отпереть замок, но как только он его открыл, снова устремил на меня взгляд. Он так и не отводил глаз, когда ступил назад, в тень коридора, и закрыл дверь. Я слышала, как ключ повернулся в замке, затем увидела, как тяжелая «собачка» встала поперек.

Я тоже начала считать, представляя себе Зака, прижавшегося к двери и отсчитывающего вместе со мной: сорок девять, пятьдесят.

Я осознала, что плачу, но от страха или от тоски — не знала. Семьдесят шесть, семьдесят семь. Сначала он будет торопиться, думала я, с его-то нетерпением, но затем заставит себя считать медленнее, опасаясь, что ворвется слишком быстро и спугнет меня. Я уже знала его расчеты: куда поставить солдат, как оцепить город. Он погонится за мной, это несомненно. Девяносто девять. Старый замок открылся медленно, с ржавым скрипом. Исповедница, безусловно, разгадала бы мой замысел. Но Зак ринулся прямо к стене. Он перегнулся через край, вглядываясь вниз, где болтался конец веревки, а я выскользнула за дверь, выбежала в коридор и заперла за собой дверь.

Глава 8

Меня охватило странное спокойствие. Позади сквозь тяжелую дверь доносились крики Зака. Он пинал дубовые доски, но те были очень прочны и издавали только глухой стук. Сначала я выбрала маршрут, по которому меня привел Зак. Затем, незаметно, стала следовать собственной интуиции. Всё моё существо точно обратилось в стрелку компаса, безошибочно указывающую, где находится зал с резервуарами. Его я чувствовала сильнее, чем что-либо еще — мой самый большой кошмар и, в то же время, моё предназначение. Я должна была увидеть это чудовищное место собственными глазами, если уж собиралась помочь всем тем людям или хотя бы рассказать об этом миру. К тому же Зак ни за что не стал бы искать меня там. Резервуары находились в недрах крепости, значительно ниже любого из выходов, куда, как он считает, устремится беглец. И что еще важно — если бы Зак хотя бы заподозрил, что я знаю о его самой сокровенной тайне, меня бы давно поместили в этот резервуар.

Я бежала, гремя тяжелой связкой ключей, которую забрала, замкнув дверь в бастион. У каждой запертой двери я закрывала глаза, позволяя интуиции подобрать правильный ключ. Затем снова бежала вниз, но не в то крыло, где расположены Камеры Сохранения. Даже сейчас казалась ненавистной сама мысль, что надо мной снова крепость вместо солнца и неба.

Я вышла в длинный коридор, очень узкий по сравнению с коридорами наверху. Еще больше его сужали многочисленные трубы, коими были полностью увиты стены по обеим сторонам. С низкого потолка свисали стеклянные шарики, излучавшие тот же неестественный, бледный свет, что освещал и мою камеру. В конце коридора вниз спускалась лестница, всего несколько ступеней, ведущих прямо к двери. Мой разум был так настроен на это место, что я даже не сомневалась, какой выбрать ключ.

В моих видениях в зале стояла тишина. Но когда я оказалась внутри, меня поразил шум: непрерывное гудение машин и звуки воды в темноте. Под всем этим помещением бурлила река. Все эти годы я чувствовала реку, находясь в камере, но здесь явственно слышалось ее течение. Несмотря на то, что это место ужасало, я испытала странное утешение от того, что увидела его воочию. Кроме шума всё выглядело точно таким, как в моих видениях. Вдоль длинной стены стояли резервуары. Из каждого выходило несколько трубок, подведенных к панели управления, которая размещалась наверху. Когда я прижала ладонь к стеклу ближайшего резервуара, то с удивлением отметила, что он теплый. Я напрягла в полумраке глаза, вглядываясь в вязкую жидкость. Что-то внутри двигалось в такт пульсу машины. Я догадалась, что это, но зажмурилась, надеясь, что не права. Когда глаза привыкли к темноте, начали проступать контуры тела, и не только в этом резервуаре, но и во всем ряду, у которого я стояла. Молодая женщина плавала ко мне спиной, подняв все три свои руки, словно пытаясь дотянуться до поверхности воды. Рядом — мужчина свернулся в позе эмбриона на дне резервуара, скрестив на коленях руки без ладоней. Пожилая женщина изогнулась под странным углом, ее единственный глаз, прямо под клеймом, был закрыт. Их голые тела едва уловимо пульсировали в такт ритму машин. Само помещение оказалось таким длинным, что дверь в дальнем конце была еле различима. Ужасные ряды резервуаров казались бесконечными.

Я не знала, что здесь машина, а что — электричество, или всё это одно и то же, но знала точно, что чуждое зрелище напрямую относилось к технологиям, которые находились под

запретом. Что за злая магия позволила поймать в ловушку подводного сна всех этих людей? Запрет может и стал законом, но когда я смотрела на сеть проводов и бездушный металл, отвращение начинало подниматься откуда-то изнутри, тошнотворными толчками в желудке. Машины уничтожили мир. Как провидец, я видела взрыв так ясно, как никто: гигантскую волну раскаленного света, крушащую абсолютно всё. Даже после четырех лет, проведенных в камере с электрической лампочкой, я по-прежнему страшилась одного вида этих проводов, металла и панелей. На лбу выступил пот, ноги задрожали. Урчание машин, состоящих из множества деталей, напоминало рык дремлющего зверя. Руки тоже охватила дрожь. Я думала, что резервуары из моих видений полностью соответствовали настоящим, но увидеть их наяву оказалось еще хуже. Трубки, что вторгались в тела и выходили из запястья и рта, напоминали нити кукольника. Если бы я смогла выбраться и рассказать всем, что здесь происходит, наверняка и большинство Альф ужаснулось бы от этого! А если полагаться на видения, то где-то и правда есть Остров, там я могла бы найти тех, кто поверит мне и даже поможет.

Во всей этой жуткой сцене особенно пугала ее странная упорядоченность: аккуратно расставленные ряды резервуаров; равномерное колыхание грудных клеток, точно совпадающее с ритмом непрерывной колыбельной песни, что издавала чудовищная машина. Несмотря на то, что тела в резервуарах имели разные изъяны, все они поражали однородностью своего коматозного состояния. Я прошла вдоль всего ряда, затем прижалась лбом к стеклу одного из резервуаров. Мерный гул и полутьма постепенно успокаивали. Вдруг по стеклу пробежала дрожь. Я сразу встрепелась, подняла глаза и увидела прямо перед собой лицо. У юноши, что приткнулся к стеклу резервуара, была очень бледная кожа с четко просвечивающими венами. Над головой колыхались светло-русые волосы, а из приоткрытого рта свисала трубка. Единственное, что нарушало всеобщую неподвижность — это встревоженный взгляд широко раскрытых глаз.

Я отпрыгнула, коротко вскрикнув. Впрочем, мой крик сразу же потонул в ритмичном гуле и густой сырости. Я отвела взгляд и посмотрела ниже. Увидев, что юноша, как и остальные, нагой, тут же подняла глаза опять к его лицу. Несмотря на клеймо, тонкое лицо юноши напомнило мне Зака. Позже я задумывалась, уж не потому ли он показался каким-то близким и знакомым.

Я ухватилась за мысль, что его открытые глаза пусты и вовсе не означают, что он в сознании. В некоторых резервуарах тоже плавали люди с открытыми глазами, но не выказывали ни малейших признаков присутствия сознания. Я немного отступила в сторону, решив, что если он не проводит меня взглядом, то могу спокойно идти к двери, что находилась в дальнем конце зала и вела наружу. Но взгляд его темных глаз последовал за мной. С одной стороны, это меня расстроило, с другой — я понимала, что, заметив даже легкое движение его глаз, не смогу просто уйти.

Единственное отверстие резервуара, похоже, располагалось сверху, под крышкой, как минимум, в трех футах над моей головой. Однако до этого уровня как раз доходила огибавшая стену платформа, куда можно взойти по лестнице, что находилась в дальнем углу помещения. Я направилась к ней, затем оглянулась, пытаясь жестами показать юноше, что не собираюсь уходить. День подошел к концу, мрак в помещении сгустился, и его силуэт стал расплывчатым. Я припустила вперед, на бегу считая резервуары, стараясь не думать об их содержимом и не замечать пустой резервуар в конце ряда. Поднимаясь по лестнице, я ежилась от громкого стука шагов по металлическим ступенькам. Шагая по выступу в

обратном направлении, я вновь отсчитывала резервуары. На двадцатом я дотянулась до металлической ручки и без труда откинула крышку в сторону. В двух футах подо мной на поверхности виднелись плавающие волосы. Наклонившись, я почувствовала отвратительный, сладковатый запах жидкости. Отвернув лицо от невыносимо приторной вони, я опустила руку в теплую жидкость, поводила и, ухватив что-то твердое, неуверенно потянула. Сначала оно не вытягивалось, а затем оторвалось в моей руке. На какой-то жуткий миг подумалось, что тело, насквозь пропитанное жидкостью, развалилось у меня в руках. Но когда я посмотрела вниз, то с облегчением и ужасом увидела, что держу гибкую резиновую трубку. А взглядевшись в лицо юноши, заметила, что трубки во рту больше нет. Я снова опустила руку в жидкость и вздрогнула, когда он крепко схватился за нее. Взявшись за поручень выступа одной рукой, второй стала вытягивать его наверх. Сначала он казался легким — вода забирала его вес. Но когда голова и грудь появились над поверхностью, он потяжелел, и у меня не хватило сил поднимать дальше. Из его запястья торчала еще одна трубка. Я потянулась за второй рукой, но увидела, что её у него не было. Теперь он выглядел старше — видимо, толстое стекло искажало облик. Возможно, он был моего возраста, хотя трудно сказать с уверенностью, учитывая его истощенное состояние. На минуту мы замерли, держась за руки. Затем он повернул голову и оскалил зубы. На мгновение я подумала, что он хочет меня укусить. Только я собралась убрать руку, как он схватил зубами трубку и, резко откинув голову, выдернул ее из запястья. Брызнула кровь и смешалась с жидкостью, обволакивающей его руку. Он взглянул на меня, и мы вместе вновь попытались вытянуть его. У меня, невысокой и худенькой, силы оказалось больше, чем у него. Жидкость покрывала наши сцепленные руки, как скользкая пленка. Ему удалось продержаться около двадцати секунд по пояс над водой, затем наши руки соскользнули, расцепившись, и он снова упал в резервуар. Он открыл рот, будто хотел что-то сказать, но всплыли лишь розовые пузыри окровавленной воды. Он снова дотянулся до моей руки и посмотрел мне в глаза. Но, поймав его взгляд, я отпустила руку, повернулась и побежала. Обернувшись, я увидела, что он уже погрузился под воду. В считанные секунды я пробежала вдоль платформы и спустилась с лестницы. Там, на нижней ступеньке я еще раньше заметила гаечный ключ. Схватив его, я помчалась назад, теперь уже по низу, снова отсчитывая резервуары.

Человек больше не двигался, глаза его закрылись. Из открытого рта и запястья сочилась кровь. Трубки теперь свободно плавали, опутывая его тело словно щупальца.

Когда я ударила гаечным ключом по стеклу, поначалу не произошло ровным счетом ничего. Не раздалось даже звука. Затем, словно бы задержав на секунду дыхание, резервуар с ревом выплеснул всё содержимое. Мощный поток воды с осколками стекла сбил меня с ног и отбросил назад. Сверху на меня упал парень, придавив к полу, устланному стеклами.

Нас обоих, точно невообразимый клубок из переплетенных ног и рук, отнесло к противоположной стене. Шум продолжался дольше, чем я ожидала. Огромные панели из стекла оторвались, и жидкость с грохотом прокатила обломки по полу. Наконец все затихло, но облегчение длилось недолго — почти сразу в помещении раздался сигнал тревоги. Полосы на потолке стали светиться белым, как и в камере, только в разы ярче.

Я вскочила, но не столько из-за вспыхнувшего яркого света или воя сирены, сколько из-за голого парня, оказавшегося на мне. Он тоже поднялся, трясясь, затем повалился на стену. Я подхватила его за руку и помогла встать. Из дальнего конца помещения слышались приближающиеся шаги, но мне вдруг подумалось о том, как необычно чувствовать тепло человеческого тела после стольких лет заточения. Я посмотрела на дверь, через которую

вошла сюда, но шаги раздавались с другой стороны. В перерывах между воем сирены я различала их крики, но нас разделял еще целый ряд дверей.

[Купить полную версию книги](#)